Как покорить герцога

Автор:
Меган Фрэмптон

Как покорить герцога

Меган Фрэмптон

Герцоги с плохим поведением #3Очарование (АСТ)

Леди Маргарет Соуфорд жаждет приключений и бурных отношений – и таинственный красавец герцог Лашем с пиратской повязкой, прикрывающей один глаз, кажется ей поначалу идеальным кандидатом в поклонники.

Однако каково разочарование эксцентричной молодой дамы, когда выясняется, что на самом деле ее избранник – скучнейший джентльмен, образцовый герцог до кончиков пальцев, живущий лишь чувством долга и озабоченный лишь управлением фамильными имениями!

Но Маргарет не сдается: она выбрала своего «пирата», и если Лашем не соответствует образу, который она себе нарисовала, – значит, надо слегка «подтолкнуть» его к страстным безумствам и романтическим подвигам…

Меган Фрэмптон

Как покорить герцога

Megan Frampton

ONE-EYED DUKES ARE WILD

© Megan Frampton, 2016

© Перевод. А.Е. Мосейченко, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Подойдя к колодцу, Джорджия остановилась. Откуда такой странный запах? Пахло как будто горелым, но вокруг не было видно ни горевших деревьев, ни даже дыма, тем не менее запах ощущался явственно.

Удивленно покачав головой, Джорджия пошла к колодцу, считая шаги. Это вошло у нее в привычку. Она была должна носить домой воду для отца, который был кузнецом, часто ей приходилось ходить к колодцу даже дважды в день.

Носить воду было тяжело, но Джорджия никогда не жаловалась. Отцу приходилось много работать, чтобы прокормить ее и Мэри, ее младшую сестру. Их мать умерла во время родов. Джорджия смутно помнила ее.

Надо было поторапливаться. Король сделал отцу почетный заказ – выковать подковы для лошадей. Сам же монарх отъехал в поля на весеннюю охоту, предоставив отцу месяц на работу. Кроме того, у отца были и другие заказы. Весна – жаркая пора для кузнеца.

Глава 1

1844 год

На лондонском балу

Лашем сделал большой глоток, хотя прекрасно знал, что головную боль не лечат вином, напротив, от вина будет только хуже. Но ради того, чтобы забыться, хотя бы слегка, он был готов и не на такую жертву.

Ему смертельно надоело все время смотреть на себя как на герцога Лашема, иначе говоря, как на очень важную особу. Так, во всяком случае, считали все, за исключением его самого; куда бы он ни пришел, он всегда оказывался в центре внимания, от которого никуда нельзя было деться.

В бальном зале собрались все сливки высшего света. Но в отличие от всех тех, кто сюда пришел, он никогда не чувствовал себя так легко и непринужденно, как они. Разве могло быть с ним такое, да никогда в жизни! Лашем стоял с краю, наблюдая за развевающимися платьями дам, чем-то напоминавшими ему детскую игрушку – юлу.

Хотя в детстве ему не позволяли играть с таким веселыми и смешными игрушками, как юла, но разглядеть ее – увидеть забавное в человеке – он мог.

– Наслаждаетесь одиночеством, ваша светлость? – раздался вдруг чей-то голос с той стороны, где находился его слепой глаз. Лашем вздрогнул от неожиданности, отчего вино пролилось ему на перчатку, и обернулся. Почти рядом, сбоку стояли хозяйка дома и две ее дочери. С Лашемом постоянно происходили недоразумения из-за утраченного глаза, весьма досадные, но вовсе не смертельные, хотя они сильно его раздражали.

– Да, похоже, что так. – Лашем вежливо поклонился сразу всем трем дамам.

Дамы молча смотрели на него во все глаза, словно ожидая, что он скажет дальше, какой гранью герцогского величия их удивит, как будто он был не человек, а живое воплощение чего-то возвышенно высокого.

Однако Лашем не мог играть свою роль по щелчку пальцев, даже для небольшого представления ему требовалось вдохновение. Кроме того, ему надо было как можно быстрее снять мокрую от вина перчатку, прежде чем идти танцевать с какой-нибудь дамой из внесенных в его список приглашенных. Если бы дама вдруг заметила, что у него влажная перчатка, то по ошибке могла бы счесть, что влажной она стала от пота, что герцог вспотел от волнения, танцуя с ней, а это вызвало бы у нее определенные надежды и, что еще хуже,

назойливые и глупые вопросы, на которые ему вообще не хочется отвечать.

Нелегко все-таки быть объектом пристального внимания высшего общества! У себя дома он отдыхал от роли герцога, дома он мог быть самим собой. Какое же это было блаженство! Но если бы он женился, то рядом с ним все время находился бы человек, который, в этом у Лашема не было никаких сомнений, смотрел бы на него точно таким же выжидающим взглядом.

– Извините меня, – вежливо произнес он, обращаясь к глядевшим на него широко раскрытыми глазами дамам. Поклонившись, он быстро пошел прочь с таким видом, будто вспомнил о каком-то важном деле, хотя на самом деле ему хотелось одного: чтобы его оставили в покое.

– Моя взятка. – Маргарет улыбнулась и, наклонившись, пододвинула карты к себе, к куче золотых монет и банкнот, лежавших сбоку от нее. Она оглянулась по сторонам: на лицах сидевших слева и справа от нее игроков виднелись явные признаки недовольства. Начав игру как обычно, с небольшого проигрыша, она потом с лихвой наверстывала упущенное и под конец выигрывала очень крупную сумму.

Нет-нет, Маргарет никогда не стала бы шулерничать во время игры, она просто умела мастерски играть, в отличие от ее партнеров. Обладая прекрасной памятью, она запоминала, какие карты уже вышли, и, более того, предугадывала, какие карты из оставшихся будут следующими брошены на стол.

Порой Маргарет откровенно скучала за игорным столом, все время выигрывать надоедало, но игра была для нее не просто забавой, а источником денежных средств, помогавших поддерживать положение в свете. Богато украшенные платья, которые являлись визитной карточкой дам высшего общества, плюс другие расходы на не столь значимые увлечения. Ей везло в игре, и проигрывать она вовсе не собиралась. Разве кто-нибудь из тех, кто садился за стол, хотел проиграть? Никто и никогда.

Хотя иногда, после особенно крупного выигрыша, Маргарет, как ни странно, хотелось проиграть: встретить достойного противника, который был бы ей равен или даже превосходил ее мастерством и ловкостью.

Но, похоже, это было невозможно. По крайней мере, до сих пор такой противник ей не попадался.

Не то чтобы Маргарет была не рада тому, что оказалась на балу, она была еще как этому рада. По правде говоря, ее приглашали не из-за того, что она умела так хорошо играть в карты, а из-за ее скандальной репутации, в меру скандальной. Хозяйки великосветских салонов, приглашая Маргарет, тем самым как бы подчеркивали свою смелость и оригинальность, поскольку Маргарет благодаря ее особому положению в обществе придавала праздничному событию определенную пикантность.

То, что она оказалась способной самостоятельно добывать средства к существованию, а также ее увлечение, на которое она тратила выигранные деньги, заставляло многих благожелательнее относиться к ее скандальному прошлому.

– Вы сдаете, леди Софи, – проворковала Маргарет, протягивая карты. Леди Софи взяла колоду, кивнув в знак согласия. Маргарет с небрежным видом откинулась на спинку стула и оглянулась по сторонам.

Она уехала из дома, когда родители от нее отреклись. И вот в Лондоне она пребывала уже несколько месяцев, а впечатление было таким, как будто она никогда не уезжала из столицы. В провинции Маргарет скучала по Лондону, хотя жизнь за городом ей нравилась. Она любила часами гулять среди полей и рощ, над чем-нибудь размышляя. Размышлять ей никогда не надоедало.

Однако в Лондоне пищи для размышлений было намного больше, чем в провинции, не говоря уже о разного рода светских событиях, в которых ей приходилось принимать участие. Она посещала мероприятия наподобие этого бала, наносила визиты сестре, герцогине Гейдж и ее племяннице, а также продолжала развивать дальше чрезвычайно увлекательную любовную линию ее романа-сериала, который пользовался у читающей публики таким успехом, что его продолжения печатались еженедельно. Литературный успех придавал ее скандальной репутации особое очарование.

А еще приходилось избегать встреч с родителями.

Маргарет стиснула зубы от одного лишь воспоминания о том, как отнеслись ее отец с матерью к ней после того, как она наотрез отказалась выходить замуж по их указке. Они буквально перестали ее замечать. Как вообще можно было надеяться, что она выйдет за такого неприятного типа, как лорд Коллингвуд?! Хотя жених, по-видимому, испытывал к невесте примерно такую же неприязнь, как и она к нему. Лорда Коллингвуда интересовали только деньги в виде приданого к ее телу. Ее отказ сильно расстроил ее родителей и нарушил их планы относительно второй дочери.

Ей было до слез обидно видеть подчеркнуто демонстративное равнодушие к ней отца и матери, хотя к подобному отношению давно уже следовало бы привыкнуть. Вероятно, ее появление в высшем свете, ее успех и то, что она жила без их поддержки, раздражало родителей, а может, они о ней и не думали.

– Леди Маргарет?

Она настолько ушла в свои мысли, что забыла об игре, а как раз была ее очередь ходить. Девушка быстро проглядела свои карты, рассортировала по мастям и посмотрела на кучу отброшенных карт. Там точно уже были валет червей, двойка и десятка червей. На руках у нее было четыре червы, значит, не разыгранными оставались еще шесть карт этой масти. Прикинув, каких карт ей недостает, она скинула даму, затем положила на стол шесть бубен.

Пока в игре не так много червей, с какой-то непонятной грустью подумала Маргарет. Хотя не стоило играть сердцем. Впрочем, она пока никому не отдала своего сердца. После неудачной помолвки с лордом Коллингвудом ее сердце оставалось целым, даже нисколько не поцарапанным. Конечно, гордость ее пострадала, но ее лечить было намного проще, чем сердце.

Игра остановилась, так как к столу вплотную подошел напудренный лакей с подносом, на котором стояло вино. Все, кроме Маргарет, взяли по бокалу. Вдруг краешком глаза она увидела огромную тень, а затем руку, протянувшуюся за бокалом с вином.

Это был огромный мужчина и вместе с тем настоящий джентльмен; размерами он походил на медведя или на огромный двигающийся валун, хотя появление на балу медведя вызвало бы настоящий переполох, да и освежаться вином ни медведю, ни валуну вовсе было ни к чему. Как только Маргарет окинула его

быстрым, все замечающим взглядом, внутри у нее что-то сжалось от сладкого томления и горло перехватило.

Незнакомец выглядел так, как будто сошел со страниц ее самого смелого и возмутительного романа. Он был не просто высок, а очень высок, выше всех остальных мужчин в бальной зале, и очень широкоплеч. Не будь его пиджак скроен так хорошо, вероятно, он трещал бы по швам. Однако костюм, видимо, сшитый искусным портным, сидел на нем как влитой, подчеркивая силу его фигуры.

Он был сложен как бог, но еще большее внимание привлекало лицо незнакомца – красивое и мужественное, под стать его фигуре. В отличие от многих других мужчин он был тщательно выбрит, что лишь добавляло ему обаяния. Конечно, внимание обычных людей прежде всего привлекала черная повязка на его левом глазу; плотно обхватывающая голову, она своим цветом подчеркивала темный цвет его волос.

Вдруг он перехватил взгляд Маргарет и напряженно замер, как будто узнав ее и сделав вид, что не хочет с ней разговаривать. Или хуже того, он понятия не имел, кто она такая, и ему был неприятен ее пристальный взгляд.

Как бы там ни было, Маргарет мысленно пожала плечами, он явно не испытывал никакого желания идти на сближение с ней. Жаль, по ее мнению, он выглядел весьма опасно и очень соблазнительно.

– Моя взятка, – проговорила леди Софи, взяв золотые монеты. Маргарет удобно откинулась на спинку стула – шокирующая для светской дамы манера поведения, уже седьмой по счету проступок за сегодня.

Первой шокирующей выходкой было то, что она нахально выигрывала за карточным столом, это был небольшой перебор даже для леди с несколько запятнанной репутацией. Вторым и третьим проступком было то, что она отказывалась носить шляпки и платья неброских цветов, считавшихся благопристойными для девушек и незамужних женщин. Тусклые цвета не нравились Маргарет, и как бы там ни было, она не хотела подчеркивать свое незамужнее положение, поэтому вместо скучного и пресного светло-желтого девичьего наряда она надела синее платье – и не просто светло-синее под цвет утреннего неба, а ярко-синее, каким бывает летнее небо в ясный солнечный

день.

Среди следующих из семи проступков, выходящих за рамки приличий, был отказ пойти танцевать с джентльменом, который пригласил ее, зная о ее не совсем идеальной репутации. Он явно имел дурные намерения на ее счет, а также прекрасно знал, что она выпила уже два бокала вина. Впрочем, Маргарет не была точно уверена в количестве своих выходок, она подозревала, что их гораздо больше, чем она думала.

Тем не менее ее приглашали, и как знать, не по этой ли причине?

Впрочем, кое-какие свои проступки она видела ясно, ставя знак равенства между излишне свободной манерой сидеть на стуле и твердым отказом позвавшему ее танцевать нахалу, равно как и очевидным предпочтением игре в карты перед танцами. Но будь она мужчиной, на такое ее поведение смотрели бы сквозь пальцы. Она могла бы сидеть на стуле, как ей заблагорассудится, выпивать столько бокалов вина, сколько хотелось, и не задумываясь отказывать всем тем, с кем было противно танцевать. Маргарет тихо вздохнула: ах, как было бы хорошо иметь такую возможность, но увы, это были всего лишь мечты.

Краем глаза она увидела другую мужскую фигуру, которая в отличие от одноглазого пирата нисколько ее не заинтересовала. Маргарет узнала этого человека и не хотела не то что разговаривать с ним, а даже видеть его. По правде говоря, они не виделись с тех пор, как ее отец с матерью объявили, что она должна выйти за него замуж. Он даже не удосужился приехать лично, просто позволил ее родителям сообщить ей о том, что договоренность достигнута. От одной мысли, что она была в шаге от того, чтобы потерять свободу, Маргарет чуть не заскрипела зубами от злости.

Девушка гордо вскинула голову. Хотя это было чрезвычайно глупо с ее стороны: незачем было выделяться, если она хотела, чтобы он ее не заметил.

– Прошу извинить меня, – спохватившись, Маргарет кивнула одному из близко стоявших к игральному столу наблюдателей, – вы не хотите занять мое место? Здесь так душно, мне хочется немного подышать свежим воздухом.

Не дожидаясь ответа, она быстро поднялась с места и устремилась в сторону, противоположную той, откуда шел лорд Коллингвуд.

Лашем спокойно держал в не облитой вином руке бокал и размышлял, кто была та дама, которая так твердо, без всякого смущения встретила его взгляд. Подобная манера поразила его. Как правило, при встрече с ним леди либо отводили глаза, либо их опускали, потому что их смущал его слишком громкий титул, а еще больше их пугала его наглазная повязка. Однако незнакомка смотрела на него без тени смущения и чуть дольше, чем полагалось согласно приличиям, так что он сам отвел взгляд от ее лица.

Она была старше молоденьких девушек, которых только что начали вывозить в свет, – их отличительной чертой было глупое хихиканье, – но не намного. Незнакомку никак нельзя было назвать красавицей, ее нельзя было сравнивать со светскими львицами, однако от нее шло какое-то непонятное сияние, как будто ее покрывал блестящий слой звездной пыли. Какая странная и нелепая мысль, Лашем даже не знал, откуда она взялась.

Волосы у незнакомки были чудесные, каштанового цвета, густые, блестящие, один локон кокетливо свисал сбоку, падая на обнаженное плечо. Большие, карие, под цвет волос глаза, окруженные длинными ресницами, поражали своей красотой. Рот, пожалуй, был слишком велик, но этот недостаток искупали чувственные губы. Когда он смотрел на нее, он заметил ее лукавую улыбку, от которой на щеках девушки появились симпатичные ямочки. В отличие от гордых и недоступных светских красавиц она выглядела открытой и общительной. Лашем насторожился, потому что не понимал, кто она, и у него не было никакого желания познакомиться с ней поближе. Кроме того, она казалась ему опасной, это ощущалось на подсознательном уровне.

Лашем шел сквозь расступавшуюся перед ним толпу, кивая налево и направо и стараясь не встречаться ни с кем взглядом. Сейчас ему меньше всего хотелось говорить с кем бы то ни было. Он жаждал уединения, постоянное пристальное внимание со всех сторон утомило его. От него как будто все время ожидали, что он то ли совершит нечто замечательное и благородное, то ли выкинет что-нибудь неприличное.

Выйдя из зала, у входа в который вечно толкались слуги, он прошел к небольшим дверям и вошел в помещение, тихо закрыв двери за собой. Оглянувшись по сторонам, он понял, что очутился в небольшой библиотеке. Падавший в окна свет от уличных фонарей мягко освещал комнату. Лашем

прошел к окну и прислонился к подоконнику. За окном внизу вдоль освещенной улицы выстроились кареты и экипажи со сгорбленными фигурами ждавших хозяев кучеров. Желтый свет фонарей был не очень ярким, ночь обступала фонари со всех сторон так, что они казались угасающими кусочками ушедшего дня.

Наконец-то Лашем был один, им овладело блаженное расслабляющее ощущение одиночества.

Только он собрался вернуться обратно в бальный зал к своим обязанностям – развлекать гостей и танцевать с начинавшими выезжать в свет девушками, – как вдруг двери приоткрылись.

В библиотеку тихо вошла женщина. Посмотрев назад в зал, она поспешно прикрыла за собой дверь. Он ее сразу узнал. Разумеется, это была она – незнакомка, от которой исходил звездный блеск. Так вот почему она смотрела на него. Лашему стало вдруг досадно: опять его преследовали! Неужели она подумала, что может завлечь его в свои сети?

– Вы должны уйти, – вдруг вырвалось у Лашема. Это прозвучало слишком грубо, что было совсем нехарактерно для него.

Незнакомка вскинула голову, словно до этого не замечала его, отчего Лашему стало немного неловко.

– Я должна уйти? – переспросила она не то удивленно, не то насмешливо. – Я только что вошла, и мне кажется, что уйти должны вы, а не я. Вы достаточно долго пребывали здесь, милорд. Позвольте и другим немного отдохнуть в тишине.

«Милорд», хм. Похоже, она в самом деле не знала, как его зовут. Лашем даже растерялся – это приятно удивило его и вместе с тем немного задело.

– Нет, – машинально отозвался Лашем. Свое «нет» он как бы адресовал всем тем, кто что-нибудь от него хотел: пригласить его на светский вечер или бал, и все лишь потому, что он был герцогом. «Нет» так легко соскользнуло с его губ, словно он говорил его всю жизнь, каждый день и каждую минуту.

– Нет? – насмешливо переспросила незнакомка; ей никак нельзя было отказать в чувстве юмора. Она прошла по библиотеке, шелестя юбками.

– Хорошо, в таком случае было бы неплохо представиться друг другу, раз здесь нет никого, кто бы взял на себя эту обязанность.

Она подошла на шаг ближе и, опершись рукой о спинку дивана, произнесла:

– Я леди Маргарет Соуфорд.

Наклонив голову, она выжидающе посмотрела на него.

– А теперь ваша очередь.

– Ах да, – спохватился Лашем. Ее свободная манера общения, как ни странно, нравилась ему. Хотя это и выглядело чуть неприлично, ему почему-то было приятно. Кроме того, она смотрела на него прямо, без всякого заискивания во взоре. Для Лашема это было все равно что глоток свежего воздуха. Впрочем, как только она узнает, кто он, наверняка все переменится. «Да, ваша светлость, я сейчас немедленно уйду». Но тут ему в голову пришла другая мысль, намного более неприятная, чем первая. «Нет, ваша светлость. Я не могу так просто уйти. Вы же знаете, что будут говорить, когда узнают, что мы с вами были наедине. Вы скомпрометировали меня, и теперь ваш долг исправить сложившееся положение».

– Я герцог Лашем. Очень рад нашему знакомству, леди Маргарет.

Она кивнула и слабо улыбнулась.

– Вот и прекрасно, ваша светлость. Теперь мы, как и положено, представлены друг другу. – Маргарет указала рукой на диван: – Вы позволите мне присесть? Обещаю, что не буду досаждать вам глупыми разговорами. Мне просто хочется немного отдохнуть.

Лашем не знал, что ответить – настолько он растерялся. Оказывается, она не собиралась ловить его в свои сети или просить о каком-нибудь одолжении, ей ничего не было от него нужно. Просто побыть в тишине – вот что она хотела, и

ничего больше.

Лашем, утративший от удивления дар речи, молча смотрел, как она, устав ждать от него ответа, присела на диван, откинула голову назад и закрыла глаза.

– Если хотите, то можете также присесть, – произнесла Маргарет тихо с закрытыми глазами. – Помнится, вы не собирались уходить.

– Но… – к Лашему наконец вернулся дар речи, – если нас заметят тут вдвоем, то вы попадете в неловкое положение. Быть наедине… – он опять замялся, – как вы сами понимаете, это не совсем прилично.

Лашем осознавал, что выступает в роли зануды и педанта, читающего мораль, хотя буквально пару минут назад твердо и недвусмысленно сказал ей «нет».

– Ну и что из этого? – усмехнулась Маргарет. – Будем считать, что сейчас вы сделали мне соответствующее предложение, а я неблагоразумно вам отказала. Моя репутация от этого, конечно, пострадает, но смею вас уверить, она станет не намного хуже. – Маргарет открыла глаза и посмотрела на него. – В конце концов, это же не конец света.

У Лашема от удивления отвалилась челюсть. Не конец света? Кто она? Обычно ему в таких случаях отвечали: «О, ваша светлость, я уже ухожу», или – «я не прочь выйти за вас», или – «как вам будет угодно».

Но эта смотревшая на него прямо и смело женщина, которая так решительно отказалась выполнять его требование даже после того, как узнала, кто он, которая держалась так просто и так естественно, спокойно говорит ему, что если их увидят вместе, то это не конец света. Более того, она предупредила его, что не намерена просить его жениться на ней или принуждать к этому.

Ее поведение произвело на него впечатление, противоположное его первоначальным намерениям; теперь ему хотелось познакомиться с ней поближе.

Джорджия и дракон

Роман Повелительницы Тайн

– Эй, кто здесь? – крикнула Джорджия, пробираясь по лесу. Ведро с водой случайно стукнулось о ее ногу, расплескавшаяся вода слегка замочила подол ее платья. Куда ее понесло? С чего она взяла, что сможет одним ведром погасить пожар в лесу? Проще было бы вылить воду и вернуться налегке назад к колодцу.

Вдруг до ее слуха опять донесся то ли стон, то ли тихое рычание. Что это? Раненый зверь? Или раненый охотник? Но кто бы это ни был, он точно нуждался в помощи.

Джорджия ускорила шаг, вода в ведре стала расплескиваться еще сильнее, замочив ее туфли. Она выругалась себе под нос, чем немало поразила бы отца и младшую сестру, более того, они, наверное, пришли бы в ужас от того, что молодая девушка позволяет себе такие выражения.

Джорджия нагнула голову, чтобы ветви деревьев не цеплялись за ее волосы, к счастью, коротко подстриженные.

– Эй, кто здесь? – снова крикнула она, но на этот раз осторожнее и чуть тише. Она была одна в лесу и приближалась к источнику странного рева, и это было трудно назвать разумным поведением. Что там ее подстерегало? Кто издавал этот необычный стон? Что бы это могло быть?

Одно было совершенно ясно: что бы это ни было, в любом случае это не предвещало ничего хорошего.

Глава 2

Черт, он выглядел вовсе не таким опасным, каким показался на первый взгляд, более того, он чуть было не принялся читать ей лекцию о приличиях и даже опасливо встал у окна, чтобы успеть побыстрее удрать из комнаты, если ей вздумается на него броситься. Маргарет подумывала о том, а не броситься ли, в

самом деле, к нему на грудь, ведь при ближайшем рассмотрении он оказался еще красивее, чем показался в бальном зале. Впрочем, у него был такой самовлюбленный вид, как будто он знал, что достоин того, чтобы его взяли приступом.

– Почему вы пришли сюда? – несколько раздраженным тоном спросил он, как будто полагая, что она не случайно здесь оказалась, а последовала за ним нарочно.

– Главным образом для того, чтобы тут спрятаться, – быстро ответила Маргарет, не открывая глаз. Она услышала, как он подошел и сел на диван с противоположной стороны. Диван был большой, их разделяло приличное расстояние, такое, что нельзя было броситься ему на грудь, но недостаточно для соблюдения приличий. И если бы в эту минуту сюда кто-нибудь вошел и увидел их почти рядом… Маргарет вдруг захотелось, чтобы их действительно застукали наедине, – ей стало любопытно, как бы он повел себя в такой ситуации.

– А зачем вам понадобилось прятаться?

У него был восхитительный голос, низкий с бархатистым оттенком, у нее даже мурашки побежали по спине. Он казался идеальным мужчиной без недостатков, за одним лишь исключением – ему явно не хватало ума. Жаль, конечно, хотя в мужчине ум не главное. Маргарет открыла глаза и посмотрела на него. Да, все такой же красавец. Глаз невозможно отвести! Если бы только он помалкивал! Так было бы лучше всего.

– Из-за людей.

Лашем сделал жест, как бы говоривший: продолжайте, поясните вашу мысль.

– Из-за тех, кто сплетничает, кто задает слишком много вопросов или вообще их не задает, а просто ждет от вас какой-нибудь выходки, потому что считает, что вы на это способны.

– Раньше ничего не слышал о том, чтобы о ком-нибудь говорили или ожидали от кого-нибудь какой-нибудь выходки просто потому, что считают его способным на такое. – В голосе Лашема явственно сквозила насмешка.

Маргарет, не в силах сдержаться, принялась хохотать. Он нес какую-то чушь, никогда раньше она не слышала ничего более смешного и нелепого. Конечно, он понимал, на что она намекала. Он сам, будучи герцогом, да еще с повязкой на глазу, попадал в категорию тех, от кого вечно что-нибудь ожидали. Едва он входил в зал, как перед ним все расступались, как утлые лодчонки перед огромной яхтой, смотря на него с открытым ртом.

– Рад, что мне удалось вас рассмешить, – деревянным голосом произнес Лашем дежурную фразу.

Боже, он вел себя до ужаса прилично! Это было невыносимо скучно. Маргарет начала разочаровываться в нем.

Но сказать ему об этом прямо она, конечно, не могла. Это прозвучало бы, как намек или пожелание ему вести себя неприлично – неприлично, разумеется, с ней, и Маргарет сдержалась, хотя ей и очень этого хотелось – он выглядел таким красавцем, а его повязка на глазу вообще приводила ее в восхищение.

– Прошу меня извинить. Просто мне в голову пришла одна мысль, вот я и жалуюсь на окружающих меня людей, которые все время перемывают мои косточки. Тогда как вам, герцогу, к которому, несомненно, приковано всеобщее внимание, на которого все смотрят и о котором часто говорят, мои сетования могли показаться легкомысленными и незначительными.

Лашем усмехнулся:

– Понимаю вас. Вы меня нисколько не обидели.

– Но ведь если вас обижают, то вы, конечно, обижаетесь, то есть если вы чувствуете себя оскорбленным, то вы вправе открыто выразить это чувство. К примеру, если вы действительно хотите, чтобы я ушла отсюда, просто скажите мне об этом прямо. Я подумаю и решу, как мне быть. Вероятно, в этом как раз и проявляется наше человеколюбие, не правда ли? В способности самостоятельно принимать решения?

Маргарет показалось, что он вздохнул, но по-особенному, вздох шел как бы из глубины души.

– Вам, миледи, судя по всему, никогда не приходилось примерять на себя роль герцога, – произнес Лашем.

Маргарет, не сдержавшись, снова рассмеялась:

– Нет, ради справедливости следует признаться – я ее не примеряла.

Возможно, в этом и заключалась его беда. Титул герцога придавил его сопутствующими ему обязательствами, он не мог выйти за пределы образа титулованной особы. С такой же проблемой столкнулась сестра Маргарет, и дело было не в роли герцогини, хотя она недавно ею стала, а в том, что она поступала только так, как от нее ожидали, и говорила лишь то, что ожидали услышать от герцогини. Интересно, как бы он вел себя, что бы говорил и делал, если бы он мог быть самим собой, вести себя свободно и непринужденно? Ничто не могло удержать Маргарет от вопроса, который напрашивался сам собой.

– Интересно, а что бы вы сделали в первую очередь, если бы не были герцогом?

Последовала долгая пауза, прерываемая тяжелыми вздохами, как будто мысли, пробужденные ее вопросом, были не слишком приятны.

– Что бы я сделал? Честно говоря… не знаю…

– В таком случае поищите, найдите и попытайтесь сделать.

Лашем презрительно фыркнул:

– Легко сказать, миледи. Не будучи герцогом, трудно судить об этом. Но для меня быть герцогом – это быть чем-то большим, чем просто мной, я понятно излагаю свою мысль? Для меня это значит быть тем, кто отвечает за жизни сотни людей, за их благосостояние, за их будущее и за будущее их детей. Я не могу забыть об этом, потому что устал от того, что окружающие меня люди все время ждут, что я буду все решать за них.

– В таком случае почему бы вам не принять несколько решений ради самого себя? – серьезно произнесла Маргарет, искренне считая свой вопрос и умным и уместным.

Лашем опять фыркнул, еще саркастичнее, чем раньше, явно не в тон ее вопросу.

– Легко сказать!

– Если вы считаете такое существование достойным – жить, никогда не обманывая ничьих ожиданий, – ну что ж, тогда поступайте так, как вы считаете верным. – Маргарет вызывающе взглянула на него. – Но если вы хотите делать то, что нравится вам, нравится только вам, то попробовав, вы, может быть, кое-что поймете. – Она пожала плечами. – Впрочем, если вам это не понравится, в любой момент можно остановиться. Во всяком случае, вы сделали попытку.

Лашем встал и поправил пиджак, который и так сидел на нем превосходно.

– Благодарю вас, леди Маргарет. Было приятно с вами познакомиться.

Хотя по его виду этого никак нельзя было сказать, а та быстрота, с которой он покинул библиотеку, лишь подтверждала возникшее впечатление.

Маргарет пожала плечами и снова откинула голову на спинку дивана. Как хорошо провести несколько минут без самого что ни на есть настоящего герцога! Да-да, очень хорошо, и она поспешила утвердиться в этой мысли.

«Если не понравится, в любой момент можно остановиться», – непрерывном эхом звучали в сознании Лашема ее слова. Все время, пока он танцевал со скучными девушками в белом, начавшими выезжать в свет, ехал в карете по темным лондонским улицам в свой особняк в Мейфэре, долго ворочался в своей огромной кровати среди множества подушек и одеял, соответствующих его положению герцога, эти слова неотступно его преследовали. Нет, скорее его преследовал ее образ.

Она уверяла, что это очень просто. Но так ли это было на самом деле? Однако желание попробовать, своего рода искушение, не давало ему покоя. Мысль вертелась и вертелась в его голове, но все время ускользала.

Итак, что бы он сделал, если бы позволил себе делать все, что хочет? Как ни странно, но он не знал. У него не было ответа на этот вопрос.

Ему вбивали в голову, можно сказать, со дня рождения, что он должен поступать правильно или согласно принятым правилам, а не следуя своим желаниям. Вот почему он растерялся и не знал, что сказать, когда она задала свой провокационный вопрос.

Все-таки он ответил ей «нет» или не ответил? Сначала он сказал, что не намерен уходить из комнаты, когда она намекнула на это. Прежде чем уйти, он недолго пробыл с ней наедине, сохранив весь запас безрассудства при себе и не поддавшись соблазну. Он вернулся в привычный мир, где он хорошо знал, что положено делать и что положено говорить, чтобы не обмануть ожидания окружавших его людей.

Но на один миг, только на один, когда они беззлобно подшучивали друг над другом, он втайне ощутил, что ему, возможно, хотелось бы кое-что сделать, хотя он не был вполне в этом уверен.

– Как это прелестно, – вслух заметила Маргарет, стоя перед картиной; она буквально впитывала в себя чудесные краски, испытывая неподдельное наслаждение. Примерно раз в неделю она посещала Национальную галерею, причем и здесь вызывала своим поведением осуждение. Дело в том, что Маргарет смотрела картины одна, Энни, ее камеристка, не сопровождала ее, так как однажды откровенно и несколько грубовато призналась хозяйке, что она посмотрела все, что хотела посмотреть, и с нее довольно, так что впредь она будет ждать хозяйку в карете. Маргарет позволила, так как не хотела заставлять Энни делать то, что той не нравилось.

Маргарет незаметно улыбнулась, искренность и прямота Энни были ей симпатичны. Когда она уезжала из Лондона, отказав Коллингвуду, – нет, она не бросала его, потому что раньше не дала согласия, – Энни настояла на том, что поедет вместе с ней, хотя никогда в жизни не покидала Лондон. Верная Энни твердо сказала: она всегда будет с хозяйкой, куда бы та ни поехала или ни направилась.

За одним исключением – только не в Национальную галерею.

Но тут кто-то кашлянул за ее спиной. Маргарет невольно оглянулась: сзади стоял хорошо ей знакомый одноглазый герцог-пират, хотя в нем мало было

пиратского, он стоял так, как будто позировал для скульптора, – голова чуть откинута назад, плечи расправлены, руки сцеплены за спиной. Он выглядел бы еще лучше, если бы был полностью обнажен, как и полагалось греческой статуе.

– Извините меня, леди Маргарет. – По его виду было заметно, как ему неловко. «Может быть, он так же вообразил себя совершенно голым?» – хихикнула про себя Маргарет, тут же изобразив на лице невозмутимую серьезность.

Ей казалось, что она невозмутима и спокойна настолько, насколько это было возможно при условии, что она представляла его обнаженной статуей.

– Добрый день, ваша светлость. – Наклонив голову, она присела в реверансе, а затем, выпрямившись, посмотрела ему в лицо. Она умышленно молчала: либо он опять обратится к ней, либо оставит ее, как вчера.

Однако молчание затягивалось, и Маргарет уже собралась было открыть рот, чтобы прервать неловкую паузу: он смотрел то на нее, то отводил глаза в сторону, но затем его взгляд опять останавливался на ее лице.

Наконец, когда Маргарет показалось, что прошла целая вечность, он промолвил:

– Вам нравится живопись, миледи?

Его голос звучал так, как будто он учился говорить, каждое слово, слетавшее с его губ, давалось ему с трудом.

– Да, я люблю живопись, ваша светлость. – Маргарет указала на полотно за спиной. – Мне очень понравились краски на этой картине.

Кроме того, центром указанной картины была дама. Прежде чем продолжить, Маргарет немного помолчала.

– Даже если дама, похоже, намерена куда-то бежать.

– Мне кажется, было бы глупо стоять перед драконом, не так ли? – заметил Лашем, взмахом руки указывая на полотно. – Хотя святой Георгий уже, похоже, одержал победу.

Маргарет усмехнулась, было одинаково приятно слышать, что он, наконец, заговорил нормальным языком, как и то, что именно он сказал. Она не знала, хороший ли он собеседник, – как знать, может, он не все время был таким сдержанным и холодным, общаясь с людьми, просто она – особый случай.

Впрочем, что он знал о ней? Да ничего! Из вчерашнего столкновения он вряд ли вынес какое-нибудь хорошее впечатление о ней. Так с какой стати он должен был держаться с ней свободно?

– Как вы думаете, что было дальше? – Маргарет задумчиво постучала пальцами по подбородку. – Может, они пошли в пивную и выпили в честь победы над драконом пинту эля или еще что-нибудь?

Маргарет повернулась и взглянула герцогу в лицо.

– А кто потом должен был все убрать? Мертвого дракона и вообще?

Она хмыкнула:

– Мне кажется, что этим должна заняться дама, не поэтому ли она так стремится убежать? Хотя, скорее всего, она убегает от страха. Но это как-то нечестно.

Выражение лица Лашема стало грустным:

– Люди редко попадают в подобные ситуации.

Маргарет стало любопытно, что он за человек, возможно, она зря думала, что он самый скучный герцог в мире. Сейчас она была заинтригована.

– Мне как будто грех жаловаться на мою судьбу, – продолжал Лашем, от звука его низкого голоса у нее внутри что-то приятно задрожало. – Впрочем, я не встречался ни с драконами, ни с дамами, которых надо было спасать, слава богу; я не знаю, что бы мне хотелось изменить в моем положении, даже если бы я мог что-то изменить.

– Почему не знаете?

Лашем нахмурился. Ее вопрос его явно озадачил.

– Мне же неизвестно, будет ли тот, кто займет мое место, столь же ответственным, как и я. Будут ли правильными его действия?

Хм, так вот в чем дело.

– Неужели вы все время поступаете правильно? – с ударением на «все» спросила Маргарет.

Он был настолько самоуверен, что даже не смутился, ни на миг.

– Да, миледи, вы угадали.

– Очень жаль, – пробормотала Маргарет, снова поворачиваясь к картине.

Она молчала и просто стояла, рассеянно глядя на полотно, тогда как в ее голове вертелись вопросы, и ей хотелось продолжить разговор. Через несколько мучительных мгновений девушка услышала, как герцог, кашлянув, хрипло произнес:

– Всего доброго, миледи, – и пошел прочь, прежде чем она успела повернуться и что-то сказать в ответ.

О чем он думал, затевая с ней разговор? А что она подумала о нем?

Хотя разговор получился вполне обычный, так, ничего особенного. Вот только когда он ее увидел стоящей перед полотном Тинторетто, ему показалось, что он призвал ее силой своего воображения. Странно, он до сих пор даже не догадывался о том, что у него столь сильное воображение. По крайней мере, она не имела ничего общего с теми дамами, которых он встречал в залах Национальной галереи.

Это было удивительно, он увидел ее там, куда никто из лондонского света обычно не ходил, разве только для того, чтобы себя показать и на других посмотреть. Она явно пришла сюда ни для того и ни для другого. Он, конечно,

тоже оказался здесь с другой целью: художественная галерея стала для него своеобразным убежищем, он приходил сюда наблюдать, как смотрят не только на него, но и на картины.

Лашему понравилось то, как она говорила о живописи, красках и о даме на картине, и даже о том, что будет дальше с тушей убитого дракона. Их разговор так отличался от других разговоров, которые он обычно вел с кем-нибудь еще!

– Ваша светлость, – вдруг раздался женский голос.

Лашем обернулся, так как знал, что в галерее в одно время с ним вряд ли будет прогуливаться другой герцог.

– Добрый день, – поклонился он нескольким дамам, стоявшим чуть вдали. Он их всех узнал, хотя их имена вспомнить не мог.

Вперед вышла дама очень высокого роста – если он не ошибался, ее звали леди Дирвуд, – и приторно ему улыбнулась.

– Как я погляжу, ваша светлость, вы тоже поклонник живописи. – Леди Дирвуд кивнула назад, в сторону других дам. – Мы регулярно посещаем галерею, наносим визит раз в месяц, – Лашема покоробило ее шаблонное выражение, – для того, чтобы полюбоваться красотой картин и вдохновиться волшебной силой искусства. – Она наклонилась вперед, как будто признаваясь в чем-то глубоко сокровенном, а ему захотелось развернуться и бежать прочь. – Как видите, ваша светлость, мы все истинные ценители и любители живописи.

– Приятно слышать, – вежливо ответил Лашем. Черт его дернул прийти сюда именно сегодня! Впрочем, встреча с юной леди, которая подбивала его на совершение неблаговидных поступков, каких именно, он даже себе не представлял, была приятной. Кроме того, он повстречал здесь еще нескольких леди, которые что-то рисовали, но из скромности считали себя не художниками, а также «любителями живописи».

Но если бы он не пришел, то не услышал бы ее спорных и остроумных высказываний по поводу картины Тинторетто. Как же ему хотелось прогуляться вместе с ней по залам галереи, чтобы узнать ее мнение по поводу картин других мастеров, таких как Тициан, Рубенс, Клод! Если бы не опасение, что их прогулка

вызовет двусмысленную реакцию если не у самой леди, то у других посетителей музея, которые увидят их вместе…

– Ваша светлость, вы сами не рисуете? – Неприятный голос леди Дирвуд резанул ему слух, нарушив ход его мыслей. Это было весьма кстати, глупо было мечтать о том, что могло бы быть. Увы, он не рисовал, хотя при желании спокойно мог бы заняться живописью.

– Нет, я лишь… – Лашем запнулся, ему не хотелось высказываться напыщенно и возвышенно, это вызвало бы насмешку у леди Маргарет. Хотя леди, с которыми он сейчас беседовал, восприняли бы с одинаковым восторгом как его увлечение живописью, так и его отсутствие. – Я люблю и ценю живопись.

Слова как бы повисли в воздухе.

«Чудесно, Лашем», – похвалил он себя за немногословность. Обычно он предпочитал хранить молчание, поддерживая разговор лишь по необходимости. Честно говоря, он боялся сказать что-нибудь такое, что выходило за рамки образа резонера, сноба и, разумеется, роли герцога.

Он по привычке говорил то, что от него ожидали услышать, те самые вежливые, обтекаемые слова, которые всегда были у него наготове.

– Точно так же, как и мы! – Леди Дирвуд едва не задохнулась от восторга. Она похлопала его по руке, при этом ее необъятной ширины юбка коснулась его ног. Это было настолько неприятно, что Лашем едва удержался, чтобы не отойти на шаг или два назад.

– Пожалуйста, ваша светлость, сделайте нам одолжение, присоединитесь к нашей группе любителей и ценителей живописи. Это будет такая честь!

«Скорее кошмар», – подумал про себя Лашем, подавая руку леди Дирвуд. Черт, при этом он едва не споткнулся о ее широченную юбку.

Маргарет не собиралась следить за лордом Лашемом, но он был настолько высок и величествен, что его просто невозможно было упустить из виду. Хотя он

уходил все дальше и дальше, она все равно видела его краем глаза и, как ни странно, почти физически ощущала его присутствие. Каждый раз, когда она украдкой и как бы невзначай смотрела в его сторону, она видела его широкую спину – он ни разу не оглянулся назад. Он смотрел перед собой и, видимо, думать забыл о ней.

Не заметить его было невозможно: теперь он стал центром, большим и черным, среди букета ярких платьев дам, окруживших его со всех сторон. Впереди группы шла какая-то леди, энергично размахивающая руками, и все благоговейно расступались перед герцогом.

– Вы только взгляните, – сказала дама, висевшая на левой руке герцога. – Какая прелесть!

Это был невыразительный пейзаж с ничего не говорящими красками.

– При взгляде на эту прелесть у меня сжимается сердце, – продолжала изливать душу леди слева, как вспомнила Маргарет, по имени мисс Эдвардс. Играя в карты, мисс Эдвардс любила делать рискованно большие ставки, а в случае выигрыша тут же становилась крайне осторожной. Бедняжка кокетливо взмахивала ресницами, поглядывая на герцога со стороны слепого глаза, видимо, забыв, что он никак не мог видеть ее заигрываний.

Маргарет захотелось уколоть мисс Эдвардс, указав ей на ее промах, хотя та вряд ли стала бы ее благодарить. Тем не менее эта мысль развеселила Маргарет.

– Согласен, мисс Эдвардс, она пробуждает тоску, – отозвался Лашем в своем привычном, крайне сдержанном тоне, каким обычно разговаривал с людьми, особенно с дамами. Интересно, он когда-нибудь говорит нормальным человеческим языком? Боже, а что, если вот это и есть его обычный язык?

Держащая герцога за правую руку леди Дирвуд – ее невозможно было не узнать по крайне широкой юбке и по высокому росту, благодаря которому она походила на амазонку, – чуть слышно фыркнула, тем самым показывая, что прекрасно видит уловку мисс Эдвардс, и повлекла Лашема прочь от никому не интересного пейзажа.

В этот миг он снова столкнулся с Маргарет.

– Ваша светлость!

Он сразу заметил ее, едва их группа вошла в большой зал. Нет, она привлекла его взгляд не своим нарядом, он был довольно скромен, а тем, что она молчала, и ничем другим.

Он вспомнил то, что подумал о ней вчера на балу. Что от нее шел какой-то странный блеск. Ему казалось, что над ее головой сияет нимб. Весьма забитое сравнение. Лашем с горечью подумал, что ему явно не хватает воображения. В этом был весь он – он воображал ее небесным созданием, спустившимся со звезды, тогда как она была обычной светской дамой, правда, с хорошо подвешенным языком, и, увы, он нисколько ее не интересовал. И вдруг она обратилась к нему с такой уверенностью и апломбом, как будто между ними было что-то общее.

Все в зале невольно притихли, не желая пропустить ни единого слова, в ожидании, что он скажет в ответ.

– Да, леди Маргарет?

Она подошла ближе, глядя прямо ему в лицо, а на ее губах играла еле заметная лукавая улыбка. Немногие осмеливались смотреть на него так прямо и, пожалуй, дерзко, большинство робко взирали на его целый глаз, затем поспешно переводили взор на черную повязку, затем снова на здоровый глаз – и так до тех пор, пока не терялись окончательно. Она же просто смотрела на него, причем так, как будто он был обычным человеком с двумя здоровыми глазами.

А между тем у него был один из самых громких во всей Англии титулов, черная повязка на глазу, и вокруг него суетилась компания по крайней мере из семи дам, строящих из себя любительниц живописи и даже художниц.

– Ваша светлость, я готова. Вы же обещали проводить меня до кареты. – Последние слова явно адресовались дамам-художницам: – Герцог любезно предложил мне свои услуги, поскольку моя камеристка внезапно заболела.

И тут Маргарет склонила голову и поникла, вид у нее стал несчастный и беспомощный, хотя Лашем прекрасно знал, что такой она никогда не был, да и не могла быть.

– Он велел мне найти его, как только закончу осматривать картины.

Маргарет сделала паузу, подняла голову и взглянула на него. Лашем мог поклясться, что она чуть заметно ему подмигнула. Они были как бы сыгранным дуэтом, разыгрывающим смешную сцену – слегка смущенный герцог и яркая, блестящая женщина, которая поспешила ему на помощь, увидев, в какое затруднительное положение он попал.

Да, она спасала его. Именно спасала, никак иначе это нельзя было назвать. Заметив его смущение и даже злость, она поспешила ему на помощь, применив хитрость, чтобы избавить его от долгого и нудного хождения по залам галереи в обществе дам, любительниц живописи. Нет, конечно, он не мог быть грубым даже с дамами, которые приходили сюда раз в месяц неизвестно для чего, но от их пустых и притворных восторгов у кого угодно могло испортиться настроение.

– Конечно, мисс Маргарет, буду рад оказать вам эту небольшую услугу.

Лашем сперва «стряхнул» даму с левой руки, затем леди Дирвуд – с правой, вежливо поклонившись каждой из них.

Лашем повернулся к Маргарет, его спасительнице. Ему даже захотелось поцеловать ее, так он ей был благодарен. Впрочем, ему хотелось поцеловать ее не только в знак благодарности, им просто овладело это желание, непонятно откуда возникшее и, тем не менее, явственное.

Но вместо того чтобы совершить на глазах у всех столь шокирующий поступок, он протянул ей руку и подождал, пока она не взяла его под локоть: теперь они могли спокойно уйти.

Ускользнуть отсюда. Какое же это было неожиданно свалившееся на него с неба счастье!

Они медленно направились к выходу. Спиной он чувствовал, как на них устремились взгляды всех дам, которых он так удачно оставил позади. Лашем скосил глаз на свою спутницу, но из-за ее широкой шляпки не мог разглядеть ее лица. У него промелькнула мысль о том, какое счастье, что мужчины не носят таких шляп, иначе он вообще ничего бы не видел.

Хотя тогда он не видел бы и льстецов, низко склонявшихся в поклоне, и перешептывающихся за его спиной, не видел бы изменяющихся при его появлении лиц. И все из-за его титула!

А не стоит ли ему в таком случае носить шляпку?!

Пока они шли к выходу, его рука была напряжена, и он сам был весь напряжен. То, что Маргарет сперва воспринимала как шутку, теперь приобрело более глубокий смысл. Заметив неловкость и смущение герцога, она смутно догадывалась о причине такого поведения, втайне надеясь, что причина – в ней.

– Я не ошиблась, вам ведь хотелось уйти, не так ли? – тихо спросила Маргарет. Ей вдруг стало страшно: а что, если она ошиблась? Лишь бы он ответил «да», в противном случае она попала бы в разряд женщин, имеющих склонность решать за других, таких еще иногда называли деловыми.

Заниматься делами ей нравилось, но на сегодня с нее было достаточно: она договорилась о сроке сдачи очередного продолжения романа, а также о некоторой сумме денег, которую она жертвовала бедным женщинам, нуждавшимся в помощи. Впрочем, Маргарет не знала, есть ли предел ее занятости, хотелось бы, чтобы он был, и тогда, возможно, завтра дел у нее будет поменьше.

Хотя на такую поблажку самой себе не приходилось рассчитывать.

– Да, благодарю вас. Вы пришли ко мне на помощь, словно святой Георгий, – отозвался Лашем, причем в его голосе звучала искренняя благодарность.

У Маргарет камень упал с души – значит, она не ошиблась.

– Вот и славно. Я ведь не очень хорошо вас знаю. Может быть, вам нравится быть центром внимания, я бы даже сказала – обожания. Только… – она сильнее оперлась на его руку, очень мускулистую, как она невольно заметила, – судя по тому, что вы говорили вчера, вам хочется, чтобы на вас обращали как можно меньше внимания.

Лашем распахнул перед ней двери, и они вышли на улицу. Здесь он опять взял ее под руку.

– Неужели я так и сказал: «как можно меньше внимания»? Хотя вы правы. Это желание точно входит в пятерку моих самых заветных.

– А какие же остальные четыре? – кокетливо спросила Маргарет. Он ей нравился, он был красив, и она не видела ничего плохого в небольшом флирте, даже если тот, с кем она собиралась флиртовать, был самым скучным герцогом из всех, с которыми она когда-либо встречалась.

Хотя если не считать его, она была знакома всего лишь с одним – с мужем своей сестры, так что сравнивать ей было почти не с кем.

Возможно, он был самым занудливым герцогом, но вместе с тем он был, не в обиду ее зятю, и самым красивым герцогом из ее знакомых.

– Спеть что-нибудь при людях, выпить какое-нибудь посредственное вино, рассказать анекдот, и чтобы при этом никто не рассмеялся, – бросив на нее быстрый взгляд, начал перечислять Лашем и насмешливо прибавил: – Надеть одну из ваших шляпок.

Затем уже совершенно другим, серьезным тоном продолжил:

– Нет-нет, я вовсе не хочу сказать, что ваша шляпка некрасива, напротив, она самая прелестная из всех, которые я когда-либо видел… только я не смог бы… то есть я не могу…

Он смешался. Маргарет стало его жалко и вместе с тем смешно, она даже тихо рассмеялась.

– Ваша светлость, я вас очень хорошо понимаю. Моя шляпка очень мне к лицу, но вам она совершенно не пойдет. Хорошо, я буду иметь это в виду, прежде чем осмелюсь попросить вас надеть одно из моих платьев.

И вдруг Маргарет поняла, что заливается краской от смущения. Если он наденет ее платье, в чем останется она сама? Потом промелькнула другая мысль: чтобы надеть ее платье, ему придется раздеться, то есть он будет голым. Она уже представляла его в таком виде. По ее мнению Лашем ни в чем не уступал обнаженным античным статуям в галерее. Маргарет смутилась еще сильнее и покраснела.

– Благодарю вас.

Ее волновал его бархатный голос, в нем было слишком много низких тонов, от которых по ее спине пробегала сладкая дрожь.

– Вы спасли меня. Позвольте еще раз вас поблагодарить.

– Пустяки, всегда рада помочь.

Они сошли вниз, и Маргарет принялась рассматривать вереницу карет, поджидавших своих хозяев. Заметив высунувшуюся наружу голову Энни, она воскликнула:

– Вон моя карета!

Лицо у Энни было недовольное, она никак не могла понять, какую пользу может принести рассматривание картин. Чашка чая и короткий сон – вот это да, и полезно, и приятно.

– Позвольте мне проводить вас до кареты. – Лашем не стал ждать ее разрешения, а просто взял ее под руку. Хотя Маргарет не любила, когда ею командуют, ей очень понравилось то, как умело и тактично он действовал.

Впрочем, задумываться о том, что, возможно, за этим скрывалось, Маргарет не стала.

– Благодарю вас, – замялась она. – Знаете, может вам стоит приходить в галерею пораньше с утра? Дело в том, что леди, разыгрывающие из себя любительниц живописи, встают довольно поздно, как правило, после полудня. Еще им нужно часа два, чтобы одеться и собраться…

– А во сколько вы обычно приходите? Тоже рано?

Маргарет опешила: она никак не ожидала, что он воспримет ее слова как намек. Неужели он считает ее одной из тех дам, которые стремятся привлечь к себе мужское внимание? Но он ждал ответа, и надо было отвечать.

– Ваша светлость, я посещаю галерею в разное время. Прихожу когда мне вздумается.

Это прозвучало явно легкомысленно, а она отнюдь не была легкомысленной. Скорее деловой и расчетливой.

– Угу.

Неужели он расстроился? Похоже, что так. Неужели он хотел снова с ней встретиться? Маргарет поймала себя на мысли, что ей хочется прямо спросить его об этом, но зачем было смущать его еще сильнее? Он был сама порядочность и, скорее всего, думал, что его предложение удивит или даже шокирует ее.

– Не хотите ли снова встретится в галерее?

Нисколько не смущаясь, Маргарет сама предложила то, что он никак не решался сказать. В конце концов, если он искал встречи с ней, то галерея – вполне подходящее место. Маргарет уже не раз шокировала свет своим поведением, еще один шокирующий поступок вряд ли ее погубит.

А может, и правда погубит? Девушка взглянула на Лашема. Все-таки он очень привлекателен!

– Весьма заманчивое предложение.

Его голос звучал ровно, хотя и несколько напряженно, в нем были те же интонации, что и вчера. Но сегодня Маргарет уверенно могла сказать, что герцог вовсе не такой уж зануда, что сейчас он, скорее всего, смущен и растерян. Может быть, за его внешней добропорядочностью все-таки скрывался одноглазый пират?

Маргарет была заинтригована. Это могло отвлечь ее от того, что составляло ее будничную жизнь, – от литературной поденщины и заботы о бедных, несчастных женщинах. Она уже хотела упрекнуть герцога за то, что он, будучи таким симпатичным, прячется за шелухой условностей, но тогда он окончательно бы смутился и, вероятно, постарался бы уклониться от общения с ней. А ей уже хотелось дальнейшего продолжения их отношений.

– Вот и прекрасно, ваша светлость. – Маргарет сказала это таким тоном, как будто пыталась уговорить медведя или другого не менее грозного и опасного зверя составить ей компанию.

Не то чтобы у нее вошло в привычку кокетничать с мужчинами. Вовсе нет. Но она никак не могла отделаться от первого впечатления, которое возникло у нее, когда она увидела его на балу, – огромной силы, которая способна передвигать горы, совершать немыслимое и невозможное.

Оставалось одно: проверить, похож ли настоящий герцог на того, который жил в ее слишком богатом воображении.

Маргарет настолько увлеклась этой идеей, что ей просто не терпелось убедиться в собственной правоте.

Джорджия и дракон

Роман Повелительницы Тайн

Кто-то стонал от боли, это было уже ясно, но кто именно, Джорджия пока не видела. Стон раздавался совсем рядом, и Джорджия замедлила шаги. Она шла очень осторожно, хотя уже догадалась, что опасность вряд ли ей грозит.

Во всяком случае, она очень на это надеялась.

Она шла теперь совсем медленно, почти крадучись, прислушиваясь к стонам, но они, к ее удивлению, начали даже ослабевать.

– Эй, держитесь! – крикнула Джорджия. – Помощь уже близка.

Может быть, она совершала глупость, но девушка уже не могла остановиться. Она уже поняла, что это стонет не человек, а скорее всего какой-то зверь, а поймет ли зверь, что ему хотят помочь? Может быть, он ранен и страдает, но это не исключает того, что, возможно, он также голоден, и тогда она может стать для него очень своевременно подоспевшим обедом.

Слишком много «может быть», и все они предполагали одно только плохое.

Тем не менее Джорджия упорно шла дальше, все ближе и ближе подходя к источнику жалобных стонов, так как была уверена, что если бы с ней что-нибудь случилось в лесу, ей тоже очень бы хотелось, чтобы кто-нибудь ее услышал и пришел на помощь.

Глава 3

Лашем невольно поморщился от мысли, что он наговорил леди, от которой исходило звездное сияние. Кажется, что-то про «надеть вашу шляпку» или что-то в таком духе. Боже, что за глупости! Ему стало неловко и стыдно.

Нет, в следующий раз он непременно скажет ей, что она болтает глупости и что у него нет времени на подобную чепуху. Но стоило ли так говорить, не слишком ли уж это откровенно?

– Лаш!

Лашем вскинул голову, сразу забыв о шляпках и прочей дребедени. Он узнал голос Джейми, своего давнего друга. Вскоре перед ним предстал и сам Джейми,

широко улыбающийся и веселый.

– Черт, каким ветром тебя занесло в Лондон? – воскликнул Лашем, энергично пожимая руку друга.

В отличие от Лашема Джейми не считал Лондон слишком уж деловым городом, поэтому часто и надолго уезжал в какую-нибудь далекую страну и возвращался лишь после настоятельных просьб матери, которая хотела увидеть своего единственного сына.

Джейми пожал плечами, у него это выходило элегантно и красиво.

– Слишком долго не говорил по-английски. Как бы не позабыть родной язык. – Он внимательно оглядел друга с головы до пят: – О, как я погляжу, ты совсем не изменился. Вид у тебя по-прежнему недоступный и грозный.

Джейми протянул руку и легко постучал по черной повязке Лашема. Вольность, которую Лашем позволял одному лишь Джейми.

– Как жаль, Лаш, что ты не хочешь ездить со мной. Твоя внешность способна напугать самого несговорчивого из тамошних царьков и вынудить его расстаться хотя бы с частью его сокровищ.

Джейми путешествовал не ради красот далеких стран. Он активно занимался торговлей предметами искусства. Он забирался в такие дикие места, куда многие боялись сунуться, а потом продавал добытые сокровища своим соотечественникам, предпочитавшим жить в привычном и безопасном для них мире. Джейми нужны были не деньги, у него их было достаточно, а приключения, ощущение опасности. Иногда Лашему, который завидовал Джейми, хотелось уехать куда-нибудь вместе с другом, но его долг, взятая на себя ответственность удерживали его в Англии прочнее всяких цепей.

«Если вам не понравится, всегда можно остановиться».

Между Джейми и Маргарет было много общего. Они были очень похожи. Лашем задумался, не познакомить ли их друг с другом. Нет, пожалуй, с этим не стоило торопиться.

Более того, при мысли о том, что Джейми и Маргарет могут встретиться, у него на сердце стало как-то нехорошо.

– Благодарю, ты как всегда очень любезен, – ответил Лашем сухим и чуть хриплым голосом, как будто ему в горло попал песок. Джейми получал наслаждение, поддевая друга и посмеиваясь над ним, но Лашем никогда не обижался на его шутки и остроты, когда Джейми проходился насчет его манеры одеваться, или скучных привычек, или его сдержанности и возникающей в общественных местах неловкости.

Несмотря на это, Джейми был одним их тех людей – нет, даже единственным человеком, – которому Лашем доверял абсолютно. Может быть, поэтому он мирился с насмешками друга в свой адрес, в глубине души понимая, как они справедливы, потому что он действительно был сухим и скучным. Тем не менее Джейми находил его забавным и смешным, что втайне радовало Лашема.

– Боже, как хочется пить! – Джейми схватил Лашема за руку и потащил за собой через улицу. – Вон там пивная. Давай зайдем, промочим горло.

– А-а? Я не могу туда идти, я… – Лашем запнулся, потому что вдруг понял, что собирается сказать напыщенную и ничего не значащую фразу вроде той, какую он произнес в галерее: «я ценю искусство».

– Брось, я помню, что ты герцог, – отозвался Джейми, и Лашем, хоть и не видел лица друга, мог дать руку на отсечение, что тот в притворном ужасе закатил глаза. – Неужели ты не можешь забыть об этом хотя бы на несколько минут? О твоем чувстве ответственности по всему городу ходят легенды, так что тебе незачем лишний раз доказывать всем, что ты серьезный и ответственный человек.

Лашем потряс головой, пытаясь понять, на что именно намекал Джейми, говоря обо «всем городе», хотя на самом деле чувствовал, что его друг прав, точно так же как и Маргарет.

Он всегда поступал правильно. До сих пор Лашем даже не задумывался об этом, он вел себя только так и никак иначе. Интересно, а что будет, если он совершит какой-нибудь неблаговидный поступок? В самом деле, разве от этого перевернется мир? Или он лишится своего герцогства?

– Ладно, ладно. Но только на несколько минут. И ради бога, Джейми, не задирай никого!

Именно так они и познакомились. Острый язык Джейми разозлил кое-кого из старших школьников, и они решили ему отомстить. Лашем, с детства не терпевший несправедливости, возмутился, увидев, как трое старших школьников бьют одного младшего, и поспешил тому на помощь.

Высокий рослый Лашем всегда отличался силой, так что в результате они вдвоем поколотили троих. С тех самых пор между Джейми и Лашемом зародилась дружба, которая длилась уже двадцать лет.

По губам Лашема скользнула ироничная улыбка: разве стали бы они друзьями, если бы не его чувство ответственности, которое высмеивал Джейми?

– Сюда, сюда, – указывал Джейми, ведя друга к столу возле бара. При виде двух джентльменов девушка-барменша явно удивилась, ей было совершенно непонятно, каким ветром в их убогое заведение занесло двух таких импозантных мужчин. Она поспешила навстречу знатным гостям, причем на Джейми взглянула несколько раз, а на Лашема только один и то вскользь.

– Эль? – спросила она, хотя кроме эля предлагать в этом заведении было больше нечего. Однако барменша и Джейми смотрели друг на друга такими глазами, что вполне можно было ожидать появления в меню кое-чего другого кроме эля.

– Хорошо, давай, милая, – весело отозвался Джейми, лукаво подмигнув девушке, прежде чем та отвернулась.

– Как все-таки приятно тебя видеть! – откровенно признался Лашем.

Впрочем, он не любил обзаводиться ни приятелями, ни врагами. Джейми же много путешествовал и редко бывал в Лондоне, а занимаемое Лашемом высокое положение приучило его к сдержанности, да и по натуре его никак нельзя было назвать общительным.

«Что бы вы сделали, если бы вдруг решились выполнить ваше потаенное желание?»

Почему ее провокационный вопрос по-прежнему звучал в его сознании? Лашем потряс головой – он вел себя по-идиотски, но от осознания своей глупости ему не стало легче. Все-таки когда последний раз он поступил так, как ему хотелось, делал то, что ему нравилось?

И почему ему никак не удавалось забыть ее вопрос, почему он все время вертелся в его голове?

– На вот, глотни, – Джейми подвинул ему кружку с пивом, – а то у тебя вид, как на похоронах.

Лашем поморщился при виде не слишком новой и не слишком чистой кружки, даже не сообразив, как быстро им подали пиво.

Он поднял свою кружку и весело произнес:

– Рад видеть тебя, дружище. Долго будешь в Лондоне?

Прежде чем ответить, Джейми сделал два-три жадных глотка, затем выдохнул и вытер губы обратной стороной руки.

– Думаю, несколько недель пробуду. Сначала я собирался остановиться у матери, но теперь, когда так неожиданно встретил тебя… – Джейми остановился и многозначительно посмотрел на друга.

Лашем отрицательно замотал головой прежде, чем начал говорить:

– Нет-нет, даже не думай об этом. В последний раз, когда ты остановился у меня, ты умудрился повредить три кресла, из-за тебя чуть было не подрались кухарка и горничная, и мне до сих пор непонятно, как ты сумел за пять минут так перемешать мои бумаги, что моему секретарю пришлось приводить их в порядок едва ли не всю неделю.

Джейми пожал плечами, как бы не понимая, что тут такого, одним глотком допил пиво и подал знак девушке – давай другую кружку.

– А забавно вышло, разве ты не видишь? Лаш, когда-нибудь и ты тоже натворишь что-нибудь такое, что тебе в самом страшном сне не приснится.

Похоже, сегодня все, с кем бы он ни говорил, исключая, конечно, рафинированных любительниц искусства, ему твердили об одном и том же, что его жизнь скучна и однообразна, что, в конце концов, он сорвется и выкинет что-нибудь неожиданное и дерзкое. Ему хотелось указать Джейми на то, что если бы он забыл о своем долге и чувстве ответственности, то это привело бы к гораздо большим осложнениям, чем куча перепутанных бумаг.

Но это прозвучало бы несколько вызывающе, и Лашем знал: его друг воспримет это соответствующим образом и выкинет что-нибудь провокационное.

– Сегодня я уже слышал нечто подобное, – задумчиво произнес Лашем, тихо барабаня пальцами по столу. – Как странно, мне никогда в голову не приходила мысль сделать что-нибудь такое, что делать не стоит.

Джейми энергично закивал:

– Скажи спасибо твоему отцу. Он явно не поощрял в тебе свободомыслия. Он видел в тебе наследника титула, и только, разве не так?

Лашем вспомнил отца – каким суровым и строгим он всегда был, и как ему, когда он был ребенком, хотелось, чтобы отец хоть раз с ним во что-нибудь поиграл.

Черт, неужели он такой же, как и его отец?

Лашем отпил пиво, размышляя над тем, а почему бы ему немного не измениться. Чуть раньше сегодня он уже кое-что сделал в этом направлении.

Он сумел договориться о встрече с леди Маргарет в галерее. Он попытается ответить на ее флирт, хотя с непривычки было нелегко говорить с ней на обычном языке. Возможно, его ухаживание зайдет так далеко, что он пригласит ее на несколько танцев на ближайшем балу, если, конечно, туда пригласят их обоих.

М-да, если то, что он собирался сделать, он называл про себя «изменениями в его жизни», то это служило явным указанием на то, как скудна и скучна его жизнь, что он слишком замкнут.

– Что тебе известно о герцоге Лашеме? – спросила Маргарет красавицу-сестру, когда они вдвоем пили чай. Неподалеку от них в детской кроватке спала маленькая дочь сестры, такая же красивая, как и мать.

Маргарет всегда завидовала сестре, которая обладала прекрасной внешностью, пока в один прекрасный момент вдруг не поняла, что ее родители смотрят на дочь как на своего рода драгоценность, которую надо повыгоднее обменять. Родители так и сделали – выдали Изабелл замуж за герцога, которого сестра и в глаза не видела. К счастью, брак вышел удачным, сестра любила мужа и была счастлива, хотя их родителям никогда не было никакого дела до того, будет ли их дочь счастлива в браке. Точно так же им было совершенно безразлично, нравился или не нравился Маргарет выбранный ими жених – лорд Коллингвуд, и когда Маргарет отказалась выходить за него, они, в свою очередь, отказались признавать ее своей дочерью.

Это был очень болезненный удар, хотя особой любви к родителям Маргарет никогда не испытывала. К счастью, в этой семейной драме Изабелл встала на сторону Маргарет и отказалась выполнить требование родителей – не принимать сестру у себя дома, за что та была ей очень благодарна. Сестра также поддержала Маргарет в ее желании жить отдельно, используя по мере необходимости титул. Маргарет не любила упоминать ее титул, но он оказался чрезвычайно полезным, когда приходилось общаться с мелкими землевладельцами, книготорговцами и издателями.

– Герцог Лашем – это тот самый?.. – Изабелл указала пальцем на свой глаз.

– Да-да, тот самый, с повязкой на глазу. Кстати, ты не знаешь, как он потерял глаз?

Почему это так заинтересовало Маргарет? Ее воображение не подсказывало никакого ответа, поскольку перед ее мысленным взором возникла широкоплечая, статная фигура Лашема, его блестящие темные волосы и удивительно скромный вид, который как-то не соответствовал его титулу.

Изабелл покачала головой:

– Никто не знает. Сам он ничего не говорит, и ни у кого не хватает духу напрямую спросить его об этом.

«Ничего, у меня хватит», – подумала Маргарет. Ее разбирало любопытство, одно из ее самых, как она справедливо считала, очаровательных и невыносимых качеств.

– Ты видела его? – задала вопрос Изабелл и, тут же спохватившись, сама ответила: – Конечно, видела, в противном случае ты бы не вспомнила о его черной повязке. Итак, что ты о нем думаешь? Сама я мало что могу о нем сказать. Его не часто увидишь в высшем обществе.

– Что я думаю о нем? – задумчиво протянула Маргарет. «Что он красив, что у него довольно грустный вид, что он пробудил во мне любопытство. Да, он очень красив и очень обаятелен». – Он меня заинтересовал. Мы с ним встретились вчера вечером на балу и сегодня утром в Национальной галерее. Даже условились о нашей следующей встрече.

Глаза Изабелл раскрылись от удивления:

– Он что, ухаживает за тобой?

Маргарет отрицательно покачала головой:

– Нет, конечно нет. К счастью, по положению я настолько ниже него, что никак не гожусь на роль герцогини. Изабелл, только не обижайся, но если мне пришлось бы жить, ни на минуту не забывая о том, что я герцогиня, если бы люди постоянно следили за мной, оценивая мои поступки, то я думаю, что сошла бы с ума.

– Никакой обиды, Маргарет. Да, порой бывает нелегко, но выгоды моего положения перевешивают мнимые трудности, – рассмеялась Изабелл, бросив полный любви взгляд на спящую малышку, отчего Маргарет что-то больно укололо прямо в сердце.

Встретится ли ей кто-нибудь, кого она полюбит, и кто будет любить ее так же сильно, как Николас любил ее сестру? Те мужчины, которые как будто были к ней неравнодушны, видели в ней лишь потенциальную любовницу, у них даже мысли не возникало, что она может быть женой.

– Ага, поскольку ты ни разу не говорила мне о выгоде, – тихо рассмеялась Маргарет и взмахнула рукой, – то мне и в голову не приходило, как хорошо быть герцогиней. К тому же все самые достойные герцоги точно не изнывают от желания жениться на мне.

– Не шути так, – серьезно отозвалась Изабелл. – Вдруг ты в кого-нибудь влюбишься. И когда ты влюбишься, Маргарет, то поверь мне, ты влюбишься по самые уши. Вот тогда тебе будет не до шуток.

– Какие шутки. По самые уши?! Тут и утонуть недолго.

Изабелл улыбнулась – сочувственно и нежно, Маргарет даже стало интересно, откуда у сестры взялась такая улыбка.

– И это будет чудесно.

Джорджия и дракон

Роман Повелительницы Тайн

Джорджия шла еще около четверти часа, иногда останавливаясь и окликая того, кто стонал, как вдруг ей показалось, что она услышала что-то в ответ. По крайней мере, неизвестный страдалец еще был жив.

Его жалобные стоны становились все ближе и слышнее. Вдруг деревья расступились, Джорджия вышла на край небольшой поляны и замерла. На поляне что-то лежало, переливаясь разными цветами – желтым, оранжевым, красным. На фоне зеленой листвы это казалось даже красивым.

Затаив дыхание, она стала потихоньку подходить к странному зверю, который продолжал издавать жалобные стоны.

Подойдя поближе, Джорджия остановилась, глубоко дыша от волнения.

– Добрый день. – Она слышала свой голос как бы со стороны. – Я пришла, чтобы помочь.

Этот некто, переливающийся разными красками, вдруг зашевелился и поднял голову. Большие глаза с красными зрачками пристально смотрели на Джорджию, зверь тяжело застонал, и вместе со стоном из его пасти вырвались клубы дыма.

Да, несомненно, это был дракон. Это должно было бы поразить Джорджию, но она смотрела на дракона почти без удивления. К тому же дракон был ранен. Было видно, что у него повреждено одно крыло, оно лежало как-то неестественно.

Джорджия смело подошла и положила руку ему на спину, желая его утешить:

– Все будет хорошо. Я сейчас помогу.

Глава 4

Маргарет ступила на широкую парадную лестницу Национальной галереи ровно в десять. Она шла сюда, надеясь и одновременно опасаясь встретить Лашема. Пока их ничто не связывало, между ними не было даже приятельских отношений. Так, случайное знакомство. Она была известным автором, печатающимся в литературных журналах, и за ее плечами – скандально расторгнутая помолвка.

Он же был герцогом, настоящим герцогом, который вел себя так, как и должен вести себя человек его положения. Он жил в окружении условностей, за рамки которых ему не позволялось выходить, и, разумеется, не позволял себе ни

малейшего намека на что-нибудь шокирующее.

Маргарет задумалась, есть ли что-нибудь такое, что бы заставило его совершить какой-нибудь неправильный поступок, а затем отругала себя за столь заманчивые мысли. На своем опыте она знала, что, думая о чем-нибудь, она исподволь готовится к тому, чтобы воплотить это в жизнь.

К сожалению, это не всегда работало, например, когда речь заходила о сроках окончания романа, или в совсем простых случаях, когда надо было вовремя лечь спать.

Маргарет торопливо шла по переходам туда, где они встретились вчера. Она заметила его первой, а он не увидел ее, так как она подходила со стороны глаза, прикрытого темной повязкой. Девушка нарочно замедлила шаг, любуясь им издалека. Он походил на греческую статую. Высокий, широкоплечий, только в отличие от полностью обнаженной мраморной статуи живой и в костюме.

Маргарет даже почти остановилась, представив его без одежды.

Боже, что она себе позволяла! Ах, если бы она попыталась раздеть его, то ни к чему хорошему это бы не привело. Особенно если учесть, каким скучным он был и как скованно держался. Узнай он о ее намерении, вероятно, потерял бы сознание, а ей пришлось бы подхватывать его на лету, чтобы он не ушибся об пол, а он точно весил намного больше, чем она могла удержать. Да провались все пропадом… Однако неприличные мысли все вертелись и вертелись в ее голове.

Если уж на то пошло, то почему бы прямо не попросить его раздеться здесь и сейчас?!

– Доброе утро, миледи.

Его голос прервал поток разыгравшейся фантазии Маргарет. Должно быть, он заметил, как она молча и внимательно его разглядывает, или почувствовал ее присутствие, что было немудрено. Никогда в жизни Маргарет никого не рассматривала с таким интересом.

– Доброе утро, ваша светлость. – Она кивнула на картину и подошла к нему поближе. – Знаете, я вспомнила любопытный фрагмент из легенды о святом Георгии и драконе. Там говорится о том, как девушка лишила дракона большей части силы, повязав ему на шею что-то из ее одежды. – «Только не думай, что ты можешь повязать что-нибудь на него, Маргарет!» – мелькнула у нее искушающая мысль, – а потом, когда дракон стал едва ли не ручным, Георгий подошел к нему и убил. Не кажется ли вам, что это не совсем честно?

Ее слова, по-видимому, удивили его; Лашем то ли фыркнул, то ли усмехнулся.

– Справедливости ради хочу заметить, что дракон так и остался драконом. Хотя, возможно, он слегка размяк, когда девушка что-то там повязала ему на шею.

Маргарет задумалась:

– Хм, любопытная трактовка. Надо будет включить в мой роман эту деталь, что повязанная девичьими руками вещь обладает ограниченным по времени действием.

Они оба одновременно взглянули на картину, причем Маргарет не без удовольствия. Он не отмахнулся от ее замечания и даже несколько углубил вложенный в него смысл.

– Ах да, вы, кажется, писательница? – Его голос опять звучал напряженно и скованно.

– Да, я пишу под псевдонимом Повелительница Тайн.

– Где же тут тайна, если вы откровенно признаетесь мне в этом?

Он явно дразнил ее: его голос вначале был вполне спокойным и ровным, затем сделался веселым и шутливым. Это произвело на девушку неожиданно приятное впечатление. Лашем менялся на ее глазах.

Маргарет тихо пихнула его плечом и усмехнулась:

– Эй, а кто-то уверял меня, что он сама порядочность и никогда не переступает границ приличий. Но только что я услышала насмешку, колкость в свой адрес. Мне кажется, что колкости сложно назвать порядочным поведением.

Лашем так пристально посмотрел на нее, что Маргарет чуть было не попятилась назад. И в тот же миг ей захотелось поцеловать его прямо здесь, в художественной галерее. Интересно, как бы он на это отреагировал?

Однако насколько ей было известно, Национальная галерея отнюдь не была тем самым местом, где разрешалось подобное. И если бы Маргарет решилась, то, скорее всего, это вызвало бы гораздо больший скандал, чем она могла себе представить.

– В вашем присутствии я делаю такие глупости, какие раньше даже не приходили мне в голову, – сказал он низким напряженным голосом, отчего у нее по спине побежали мурашки. Понимал ли он, что говорит?

А она понимала?

Лашем затряс головой, как будто пытаясь отогнать подальше непрошеные мысли.

– Как недавно сказал мой друг, я всю жизнь поступал правильно и порядочно. Но если бы на свете не было людей, которые всегда поступают именно так, то где бы тогда были справедливость и порядочность? – Он как будто пытался что-то сформулировать одновременно и для себя и для нее. – То, что противоположно по смыслу понятиям «порядочность» и «справедливость», никому не нравится. И никто не хочет выглядеть непорядочным или несправедливым.

– Ваша светлость, нельзя все делить на черное и белое. Между этими двумя цветами есть множество оттенков. Всегда можно посмеяться или найти смешное, не выходя за рамки приличий.

Но в этот момент мысли Маргарет едва ли можно было назвать приличными. К счастью, это были всего лишь мысли, а не поступки.

Нет, необходимо во что бы то ни стало держать себя в руках.

Лашем пристально смотрел на нее, он словно хотел проникнуть в ее душу. По телу Маргарет пробежала еле заметная дрожь. Странное волнение, источник которого находился в груди, захватывало те части ее тела, которые, как точно знала Маргарет, неприлично было показывать на людях.

Лашем поднял руку, словно намереваясь ее коснуться. У Маргарет перехватило дыхание.

Но вдруг он как бы рубанул рукой по воздуху.

– Не могу себе и представить какую-нибудь непристойность.

Его голос звучал холодно и твердо, даже жестко, таких интонаций Маргарет от него еще ни разу не слышала. Лашем поклонился и пошел прочь, стук его ботинок о пол грустным эхом разносился по залу. У Маргарет возникло такое ощущение, словно он отвесил ей пощечину.

Она смотрела ему вслед в полной растерянности, ее сердце билось в груди так, словно собиралось выпрыгнуть наружу. Ею попеременно овладевали самые разнообразные чувства – смущение, стыд, злость, гордость, – но над всеми ее эмоциями преобладало тайное желание. Именно оно и стало главной причиной такого эмоционального всплеска.

Если бы он ей не нравился, то она и думать бы о нем забыла. Ушел, ну и пусть, невелика беда. Если бы его внутренние качества ни в чем не уступали его внешности, то разве она была бы сейчас одна в пустом зале, размышляла Маргарет, глядя на знакомые картины, которые видела только вчера.

Впрочем, что тут удивительного – герцог, который вел себя с ней так нетактично и даже грубо, вряд ли скрывал в своей душе какие-то богатства.

После длительного размышления Маргарет пришла к неутешительному выводу – все это пустое, и вообще с ее стороны просто глупо об этом думать. Она решила забыть о герцоге-пирате, тем более что он явно не проявлял к ней никакого интереса.

Лашем почти выбежал из Национальной галереи. Он был взбешен. Это было видно по его стремительной походке. Он был зол на нее, на себя, на все на свете, ему не давали покоя два вопроса: каков он на самом деле и правильно ли он живет.

Ему раньше и в голову не приходило совершить какой-нибудь неправильный или неприличный поступок. Сказывалось воспитание, но он не винил родителей, которые воспитывали его так, как считали нужным. К несчастью, они оба слишком рано умерли, и весь груз ответственности лег на его еще не окрепшие плечи.

Но дело было не только в этом. Дело было в нем самом. Кто же все-таки он, как он стал тем, каким был сейчас.

Лашем на ходу кивнул нескольким знакомым, которые остановились, чтобы поздороваться с ним, и быстро забрался в свою карету.

Упав на сиденье, герцог, не дожидаясь помощи грума, захлопнул за собой двери и, стиснув зубы, замер, борясь с ощущением, что его одобрительно похлопал по плечу какой-то очень неприятный тип.

Но ведь рядом с ним никого не было! Он был в карете один. Только что он оттолкнул от себя Маргарет. Скорее всего, после того, что случилось, она перестанет с ним разговаривать, и все из-за того, что у него не хватило терпения хотя бы попытаться понять ее точку зрения. Разве нельзя иногда вести себя чуть иначе, чем он привык? А ведь она намекала ему на такую возможность.

Карета тронулась и поехала в сторону его особняка – не дома, а именно особняка. Лашема снова охватили злость, досада и растерянность. В отчаянии он принялся стучать кулаком по двери кареты до тех пор, пока не разбил в кровь костяшки пальцев.

– Если позволите, ваша светлость. – Камердинер смахнул с его плеча невидимую пылинку и отступил на шаг назад, любуясь плодами своего труда. – Позвольте заметить, ваша светлость, вы выглядите превосходно. Я бы сказал – идеально для предстоящего вечера.

Превосходно. Идеально. Попросту никак, то есть скучно и неинтересно.

После того как Лашем сбежал из Национальной галереи, он несколько часов пытался найти успокоение в делах по управлению его огромными герцогскими владениями. Затем обсуждал с поваром детали праздничного обеда, который он давал членам палаты лордов в честь принятия какого-то закона. Отдыхая, попил в одиночестве чай в библиотеке наедине со своими книгами и мыслями.

Скучно и неинтересно. Он даже одевался так, как принято – прилично и величественно, но он не обольщался на свой счет, от его облика так и веяло скукой.

Разве нельзя было вести себя свободнее, найти занятия хотя бы чуть-чуть поинтереснее? При этом он, конечно, не собирался пренебрегать своими обязанностями, но ведь об этом же Маргарет и говорила ему?

Нет, ему было как-то неудобно и неловко идти на сближение с ней, особенно сейчас, когда он так откровенно сказал ей о том, что с ней не согласен.

Лашем хотел попросить у нее извинения, но не знал, как лучше это сделать. Как-то не хотелось признаваться в том, что он был не совсем прав, да, он был скорее не прав, чем прав. Лашем даже улыбнулся про себя, заметив легкую иронию в своей формулировке: он теперь ясно видел оттенки серого в своей неправоте. Кроме того, он сомневался, что сумеет объясниться должным образом, так, чтобы его положение не стало еще хуже.

Особенно если учесть ее искусство владения словом. Она ведь была автором нескольких романов, причем очень популярных романов. До их личной встречи он читал кое-что из ее сочинений, причем ее художественный вымысел помогал ему временно отвлечься от повседневных забот и тревог.

Что можно было ей сказать такого, как ей объяснить?.. Лашем задумался. Искусство слова, литература были ее стихией, в которой она чувствовала себя как рыба в воде.

Как он ни старался, он никак не мог подобрать нужных слов. Ничего у него не выходило.

– Добрый вечер, ваша светлость.

– Добрый вечер, милорд. Приятный вечер, вы не находите?

– Очень приятный. Прошу извинить меня, мне не терпится отведать несколько пирожных, изготовленных леди Марчем.

– Конечно, зачем лишать себя такого удовольствия.

Лашем стоял, как обычно, чуть в стороне, с краю бального зала, рассеянно поглядывая поверх голов, не желая ни с кем встречаться взглядом. Впрочем, он всегда был готов ответить на приветствие. К счастью, его находили скучным и нелюдимым, он же, в свою очередь, считал скучными тех, кто его окружал, он был вежлив с ними, и только. В итоге герцога Лашема обходили стороной.

Он не мог избежать выездов в свет. Лашем когда-то к своему ужасу понял, что его приятели лорды готовы поддержать тот или иной законопроект, только если они близко знакомы с тем, кто его продвигал. Но на этот раз был принят закон, и неплохой закон, и Лашем чувствовал, что ему нельзя оставаться дома, да ему и не хотелось выглядеть эгоистом.

Вот поэтому он приехал на вечер ровно на полчаса позже официального начала; обменялся вежливыми фразами с хозяином и хозяйкой, потом отведал довольно слабенького пунша, кивая всем знакомым, кто попадался ему на глаза. Все это заняло всего лишь четверть часа. Для того чтобы не выглядеть грубым и бестактным, ему нужно было пробыть на вечере еще минут двадцать.

– Лаш!

Он круто обернулся, услышав голос Джейми. Разумеется, его друг правдами и неправдами сумел достать приглашение. Ловкость Джейми всегда вызывала удивление – он только что приехал в Лондон, более того, не был знаком с Марчеми, и вот, поди ж ты, он уже был здесь.

Джейми стоял рядом с ним, как всегда, со стороны здорового глаза. Джейми был внимателен к физическому недостатку друга и всегда подходил так, чтобы

Лашем мог его хорошо видеть.

– Я знал, что ты непременно будешь здесь. Это единственная причина, почему я тоже приехал.

– Неужели только для того, чтобы повидать меня? Для этого надо было зайти ко мне домой. Кстати, я весь день был дома, – грустно усмехнулся Лашем. Весь день он, скучный человек, занимался скучными делами, надеясь, что он вовсе не такой скучный.

– Да, конечно, я мог поступить и так. – Джейми подмигнул приятелю. – Но у меня были кое-какие дела.

Ну да, Джейми, конечно, не скучал сегодня днем. Лашем полагал, что вместе с другом не скучала и не одна особа женского пола.

– Отлично! И что ты мне хочешь сказать, раз ты меня искал и нашел? – Лашем встряхнул головой. – Разумеется, я рад нашей встрече. Кажется, я говорю что-то не то. Я имел в виду…

Джейми поднял вверх руку и улыбнулся:

– Я знаю, о чем ты думаешь. Ты рад меня видеть, ты не можешь дождаться того момента, когда можно будет отсюда уйти, и тебе любопытно узнать, что я собираюсь тебе предложить, не так ли?

Лашем шумно вздохнул:

– Все правильно.

– Ага, именно поэтому я здесь. Надеюсь, что ты подкинешь меня до дома. Дело в том, что моя мать отдала то ли починить, то ли перекрасить нашу карету. Понимаешь, она всегда волнуется, чтобы к моему приезду все было в полной исправности на тот случай, если мне что-нибудь понадобится.

Хотя Джейми говорил это шутливым тоном, в его голосе было столько искренности и тепла, что сразу становилось понятно, как он любит свою мать.

– Все было бы хорошо, если бы ты вовремя предупреждал ее о своем возвращении, – сухо ответил Лашем.

– Легко сказать, я сам не знаю, когда буду в Лондоне, – отозвался Джейми, хитро поблескивая глазами. – Итак, для того чтобы вернуться домой, мне остается либо взять наемный экипаж, что делать совсем не хочется, либо уповать на твое милосердие.

– Это может послужить благовидным предлогом, чтобы унести отсюда ноги. В таком случае я готов довезти тебя хоть до Шотландии, – улыбнулся Лашем.

– Отлично, я так и знал, что на тебя можно рассчитывать. Вернее, на твою мизантропию.

Лашем вздрогнул и выпрямился во весь рост. Джейми был почти одного роста с ним, ниже разве что на пару сантиметров.

– Я не страдаю мизантропией, дружище, просто…

Лашем запнулся. Был ли он мизантропом или не был? Почему у него только один друг? Да и тот часто и надолго уезжает из Лондона. Что тут можно было сказать?

Почему он никак не мог преодолеть себя, почему не был способен вести себя как Джейми – вот, например, прямо сейчас, на этом вечере?

Впрочем, Джейми никогда нельзя было обвинить в холодности и замкнутости, никто бы не сказал, что от него веет скукой.

– Да-да, я знаю, – торопливо заговорил Джейми. – Просто сболтнул, нарочно сгустил краски. Ну что, идем? Я больше не могу смотреть на тебя, столько важности во взоре! Кошмар!

Попрощавшись с хозяевами дома, они встали у входа в зал, ожидая, когда лакеи подадут им плащи. Джейми с интересом рассматривал леди, которые то входили, то выходили из большого зала. Лашем внимательно наблюдал за другом, удивляясь про себя, почему для одних все в жизни так легко и просто, а

для других – напротив.

Вдруг он почувствовал себя идиотом, потому что его жизнь никак нельзя было назвать трудной или тяжелой. Денег у него было больше, чем он мог потратить, он носил титул герцога, обладал отличным здоровьем, всегда поступал правильно, и его совесть была спокойна, так почему же…

Почему он чувствовал себя несчастным в любой компании? Почему обидел женщину, которая ему нравилась и с которой ему было интересно? Даже его единственный лучший друг не раз намекал ему, что он ужасно, ужасно скучный человек.

– Эй, ты не знаешь, кто вон то прелестное создание?

Вопрос Джейми прервал ход грустных мыслей Лашема. Но в тот же миг ему стало жаль, что он не может погрузиться в них обратно, притворившись рассеянным.

– Это леди Маргарет Соуфорд. – Лашем слышал свой голос так, как будто это говорил не он, а кто-то другой. – Она сестра герцогини Гейдж, а также она та самая Повелительница Тайн.

Леди Маргарет что-то говорила лакею, видимо, как и они, прося его принести ее плащ. Затем, к облегчению Лашема, отвернулась в сторону, начав разговаривать с кем-то в другом конце холла. На ней было точно такое же платье, как и на других юных леди: широкая юбка, перехваченная в талии, смешные буфы на рукавах, но на ней все это сидело по-особенному. От ее наряда шло какое-то сияние. Точнее от нее самой. Лашем никогда раньше не обращал внимания на дамские туалеты, но при одном взгляде на леди Маргарет у него перехватывало дыхание, и он не мог отвести от нее глаз.

– Никакой тайны я тут не вижу, но она действительно просто прелесть, – заметил Джейми. Лашем от возмущения поднял глаза кверху, причем одновременно ему захотелось как следует влепить другу.

– Повелительница Тайн, я же сказал, та самая, кто пишет в газетах романы с продолжением.

– А-а, чудесно. Честно говоря, такие романы меня мало интересуют, тем более когда меня вообще нет в Лондоне. Зато мне теперь понятно, откуда взялось у тебя это увлечение цветистой прозой.

Таким образом Джейми не напрямую намекал на недостаток воображения у Лашема. Черт, при их прошлой встрече он уже прошелся на его счет. Несомненно, Джейми полагал, что такого скучного человека, как Лашем, невозможно задеть подобными намеками.

– Представь меня.

– Ни за что. – Лашем не сказал, а скорее прорычал эти слова.

Джейми вопросительно приподнял брови и понимающе посмотрел на приятеля:

– А, даже вот так?!

Лашем закрыл глаз и шумно вздохнул, стараясь сосредоточиться на дыхании и не думать о том, что ему сейчас больше всего хотелось сделать. Это не лезло ни в какие ворота – ему хотелось бить кулаками изо всех сил по стене, а потом попросить у Джейми совета: как ему быть, что сделать, чтобы вымолить прощение у этой юной леди и снова завоевать ее расположение и даже, может быть, дружбу.

Но подоспевший лакей лишил Лашема возможности осуществить как одно, так и другое. Он вышел из дома, специально не глядя в ее сторону, чтобы ей не вздумалось с ним заговорить, молча забрался в карету, сел, лакей захлопнул за ними двери, и только тогда он перевел дыхание.

– М-да, тяжелый случай. И что же ты собираешься делать дальше?

Лэшем притворился, что не понимает, о чем, вернее о ком так недвусмысленно спрашивает Джейми.

– Ничего. Ни-че-го.

Джейми фыркнул:

– А вот я уже подумываю кое о чем. Я…

Но договорить Джейми не успел, широкая ладонь Лашема закрыла ему рот.

– Заткнись.

– Хорошо, – промычал Джейми, так как ладонь друга мешала ему говорить.

Лашем убрал руку и, скрестив руки на груди, нахмурился. Он не смотрел на Джейми, хотя чувствовал на себе его вопросительный взгляд.

– Я не знаю, что мне делать, – выдавил Лашем. – Даже если захочу, я не представляю, что можно сделать в моем положении.

К счастью, Джейми тактично молчал, не торопясь прийти другу на помощь, огласив целый перечень того, что, по его мнению, не только можно, но и нужно было делать.

– Я встретил ее несколько дней тому назад, и она… она была так откровенна, просто удивительно. Словно глоток свежего воздуха. – Лашем говорил, не пытаясь связно высказывать свои мысли. – Жаль, что у меня нет твоих способностей так легко обзаводиться друзьями. Мне казалось, что мы с ней можем стать друзьями. Вот только я…

– Ты как всегда выступил в своей роли и настроил ее против тебя.

Лашем ощутил, как в его груди поднялась волна горечи и обиды на самого себя.

– Не совсем так, но… ну да, я поступил не совсем хорошо.

Потянулась томительная пауза, что было несколько удивительно. Обычно словоохотливый Джейми не лез за словом в карман, но сейчас он долго о чем-то думал и наконец выдал:

– Ты, даже если хочешь поступить правильно, всегда делаешь не то.

Голос Джейми звучал, к удивлению Лашема, не так, как обычно: без всякой насмешки, а как-то грустно и задумчиво.

Всего несколько дней тому назад Лашем мог бы уверенно сказать, что доволен своей жизнью. Конечно, повышенное внимание к его особе его раздражало, но это смутное недовольство как-то стихало от мыслей, что он делает много доброго и полезного для своих многочисленных родственников, для всех тех, кто работает на его землях, и для жителей своей страны.

Но теперь Лашем как никогда ощутил, что этого крайне мало… для счастья.

Его словно ударили в солнечное сплетение, было такое ощущение, что его сейчас стошнит. И вдруг в его душе возникло новое сильное желание, оно пьянило и кружило голову.

Лашем растерялся: перед ним внезапно встала дилемма – не то прислушаться к голосу нового желания, не то по-прежнему оставаться безнадежно трезвым и скучным.

Джорджия и дракон

Роман Повелительницы Тайн

– Как ты здесь очутилась? Почему тебе не страшно? – Дракон говорил низким хриплым голосом, при этом у него из пасти и ноздрей вылетали струйки пара.

Следовало бы, наверное, удивиться – оказывается, дракон умел говорить. Но после того, как Джорджия убедилась в том, что драконы существуют, она уже больше ничему не удивлялась.

Дракон был ранен, он явно не мог летать, поэтому Джорджия смело вступила с ним в разговор.

– Тебе надо помочь, – проговорила она деловым тоном. – Нет, конечно, мне страшно, но разве можно отказать кому-нибудь в помощи, если ты чуть-чуть его

боишься?

Дракон тяжело вздохнул, закрыл глаза и еще больше приник к земле.

– Что толку от этого? У меня нет больше сил, я умираю, мне даже совсем не хочется тебя съесть.

Джорджия сообразила, что возражать дракону, даже раненому, точно не стоит, поэтому от слов она перешла к делу. Смело положив руку ему на спину, она принялась искать рану между складками вдоль гребня.

Но тут дракон взревел от боли.

Глава 5

– Благодарю вас, леди Марчем. Вечер просто чудесный. – Маргарет вежливо улыбнулась хозяйке дома, затем признательно кивнула лакею, подавшему ей ее плащ.

Она не собиралась так рано уезжать, но получив записку от одной из бедных женщин, в которой та буквально взывала о помощи, Маргарет поняла, что это дело никак нельзя откладывать на завтра.

Муж одной из сестер Баннер опять напился и принялся угрожать обеим женщинам. Несчастные заперлись у себя в комнате, боясь, что от угроз мужчина перейдет к действиям. Полиция, как правило, в подобные семейные разборки предпочитала не вмешиваться, в итоге женщины остались один на один с разбушевавшимся пьяным мужчиной.

Маргарет уезжала, и всему виной были ее мягкосердечие и врожденная наблюдательность. Если бы она не была такой доброй, то вряд ли что-нибудь предпринимала, даже если бы, благодаря ее наблюдательности, все видела. С другой стороны, литературная работа приучила ее все замечать – людей, их привычки, мотивы, поэтому она не могла равнодушно пройти мимо чужой беды –

это было бы откровенным лицемерием.

Вот поэтому сейчас Маргарет направлялась в Сохо, пожалуй, самый опасный район в Лондоне. Ее сопровождали только Энни, чьим оружием был лишь острый язык, и кучер, чуть более надежный защитник.

Правда, Маргарет взяла несколько уроков бокса у своего зятя, больше на словах, чем на деле. Однако она извлекла из них кое-что важное для себя – необходимость уклоняться от ударов, и поняла, куда надо бить, запомнив важное правило: в то, что не видит глаз, не попадет рука.

Откровенно говоря, как это ни смешно, это помогло ей обрести большую уверенность в себе и в своих силах.

– Куда мы сейчас поедем? – спросила Энни севшую в карету хозяйку. Маргарет чуть было не вздрогнула: проницательность Энни ее поразила. Пожалуй, Энни стоило бы поучиться играть в карты, Маргарет могла бы дать ей несколько уроков – с такой способностью угадывать и предвидеть Энни точно не осталась бы в накладе.

– Как ты догадалась, что мы едем не домой?

– Мы уезжаем слишком рано. Кроме того, у вас очень озабоченное лицо. К тому же четверть часа тому назад к дому подошел странный тип и отдал записку лакею. Лакей зашел с ней в дом. Вы можете вывести меня в качестве детектива в каком-нибудь вашем бесконечном романе. Я не против.

– Энни, лапочка, я не пишу детективных историй, хоть и ношу псевдоним Повелительница Тайн. Но между тайной и детективом большая разница.

– Прекрасно. В таком случае беру свои слова обратно. – Энни небрежно махнула рукой, точь-в-точь как сама королева.

– Да, мы едем к сестрам Баннер. Им надо срочно помочь. Это те самые, кто связали мне такие тонкие кружева на платье. Муж младшей из сестер напился и угрожает им физической расправой.

– Ага, итак, мы едем, чтобы утихомирить разбушевавшегося пьяницу. Две женщины против большого и сильного мужчины.

Голос Энни буквально излучал оптимизм, однако он не мог скрыть ее неуверенность и опасения.

Маргарет сильнее закуталась в плащ и передернула плечами.

– Да, веселого тут мало.

– Вы, наверное, намереваетесь забрать этих несчастных, чтобы сперва поместить их в безопасное место, а затем передать их агентству. – Энни презрительно фыркнула.

Маргарет не раз слышала от Энни, что там, в агентстве по трудоустройству, «все устроено не так, как надо, хотя они стараются изо всех сил». Тем не менее она не оставляла своих попыток помочь бедным женщинам, пусть даже все ее усилия увенчаются спасением всего лишь одной из миллиона несчастных. Маргарет знала, что в душе Энни искренне сочувствует этим бедняжкам, просто стесняется откровенно признаться, как ей их жаль. Между прочим, Энни попала в камеристки к Маргарет по рекомендации ее тетушки, благополучно избежав визита в агентство.

– Значит, нам придется забрать их оттуда, прежде чем этот пьяница и дебошир прибьет одну, а то и обеих.

– Да-а, – протянула Маргарет, удивляясь про себя, каким образом ее благие намерения в изложении Энни начинают выглядеть так смешно и нелепо.

– Ну что ж, в таком случае необходимо как следует подкрепить нашу смелость, – заметила Энни, доставая из складок плаща небольшую бутылочку. Откупорив бутылку, она сделала добрый глоток, а потом передала ее хозяйке.

– Как хорошо, Энни, что у тебя есть то, что нам нужно сейчас как никогда!

Маргарет взяла бутылочку, поднесла к лицу и, вдохнув запах, закашлялась.

– Не волнуйтесь, напиток отличный, – поспешила успокоить хозяйку Энни. – Нам скоро понадобится вся наша смелость, да и не только смелость. Помощи нам ждать неоткуда, а для куража неплохо глотнуть именно это.

Маргарет кивнула и решительно сделала глоток из бутылочки. Огонь опалил ей рот и горло, а затем растекся внутри по животу. Сразу стало как-то спокойнее, страх отпустил. Теперь Маргарет была полна решимости довести начатое дело до конца.

Энни спрятала бутылочку под плащ и благодушно кивнула хозяйке:

– Ну вот, теперь мы с вами готовы.

– Верно. Теперь мы готовы ко всему.

– Вот этот дом, – приглушенно сказал Джон Кочман. Он почти два года служил у Маргарет кучером после того, как она поссорилась с родителями. Маргарет однажды увидела, как он бесцельно бродил вдоль дороги недалеко от фабрики по производству клея. Как оказалось, Джона недавно уволили оттуда, и девушка решила взять его к себе кучером. Однако долгая работа на фабрике подорвала здоровье Джона, он сильно кашлял, поэтому защитник из него был никудышный.

– Спасибо, Джон, – тихо сказала Маргарет, выходя из кареты на дорогу. Настороженно посмотрев на дом, она сунула руку в карман – вязальные спицы были на месте. Нет, Маргарет не вязала, она носила их с собой на всякий случай, на случай если придется защищаться.

Следом за хозяйкой из кареты вышла Энни, как обычно, что-то недовольно бурча себе под нос. Но как бы ни была недовольна Энни, как бы она ни ругала про себя хозяйку за безрассудную и неуместную смелость, она всегда и везде, особенно в таких случаях, сопровождала Маргарет.

– Думаю, они живут на самом верху, – шепнула Маргарет, поднимая глаза. И точно, она угадала. В одном из верхних окон мелькнули два силуэта; по всей видимости, эти люди ссорились или даже дрались. – Похоже, времени у нас нет, – заметила Маргарет.

Когда они поднялись на четвертый этаж, у Маргарет созрел план действий.

– Ты сможешь отвлечь мужчину? А я тем временем выведу женщин на улицу.

Судя по недоумению, отразившемуся на лице Энни, предложение было неудачным.

– Ладно, я ляпнула явно что-то не то, – согласилась Маргарет. – Думаю, если Джон услышит наши крики, то он сумеет позвать на помощь полицейского.

Дело в том, что когда Энни кричала, у нее был такой пронзительный, резкий голос, что от его вибраций, наверно, погибали все собаки в окрестностях, до которых он долетал.

– Превосходно, – сухо отозвалась Энни; голос прозвучал настолько сухо, что было просто удивительно, почему вокруг не образовалась пустыня.

Маргарет, отбросив прочь вежливость, без стука, быстрым движением распахнула двери и вошла.

Перед ними открылась ужасная картина. Старшая из сестер, мисс Баннер, висела на спине мужа младшей сестры, вцепившись в его плечи и пытаясь оторвать его от нее, в то время как он крепко держал несчастную за шею, по всей видимости, пытаясь задушить.

– Отпусти, отпусти их! – закричала Маргарет. Однако в комнате стоял такой шум и визг, что ее голоса никто не услышал.

Решительно встряхнув головой, Маргарет вынула вязальную спицу и коротким резким движением ткнула ею в руку мужчины. Тот закричал от боли и выпустил шею жены. Она жадно глотнула воздуха. Женщина смотрела на мужа широко раскрытыми испуганными глазами.

Обернувшись назад, мужчина крикнул:

– Черт возьми, кто вы такая?

Судя по его виду, вопрос явно не был поводом для дальнейшего разговора, скорее он был лишь короткой передышкой перед тем, как «броситься на нее и убить», – именно эта фраза промелькнула в голове Маргарет.

– Какая разница, кто я, – бросила в ответ Маргарет, пытаясь не выказывать страха. – Дело в том, что вам больше не стоит жить вместе с этими двумя женщинами. Я сейчас же увожу их отсюда. Собирайтесь, и поживее, – обратилась она к напуганным женщинам.

– Да чтобы мне указывала какая-то… Черт, что это? – тут мужчина испуганно то ли крикнул, то ли пискнул.

– Да-да, я их увожу, – торопливо повторила Маргарет, озадаченная внезапной переменой в облике и в лице негодяя. Он был явно растерян, и она решила этим воспользоваться. Но тут Маргарет увидела, что обе женщины растеряны не меньше, чем мужчина, что все трое смотрят куда-то за ее спину, как будто там стоит целый взвод вооруженных до зубов полицейских, пришедших навести порядок.

Маргарет удивленно оглянулась назад.

Как же она заблуждалась! Ссорившуюся троицу напугал не ее вид и не ее решимость, вовсе нет.

Откуда он взялся? Да, да, позади в дверях стоял герцог-пират. Тот самый, с которым сегодня утром она повздорила в галерее и которому внезапно стало неприятно ее общество.

Он стоял, скрестив на груди руки, строго и молча взирая на происходящее. Вид у него был грозный, он мог напугать кого угодно, для этого ему даже не были нужны вязальные спицы.

Лашем сперва посмотрел на Маргарет, затем поочередно на каждого, кто был в комнате. Каждый, на кого падал его взгляд, за исключением Энни, съеживался, явно жалея, что не может раствориться в воздухе.

– Со своими делами я могу справиться без чьей-либо помощи, – внезапно рассердилась Маргарет.

– О, конечно, кто бы сомневался, – скептически проговорил Лашем. Точно таким же тоном с ней разговаривала Энни, когда они входили сюда.

Маргарет фыркнула:

– Ладно, если вы здесь, то не поможете ли мне увести отсюда этих женщин?

Переведя взгляд на испуганно жмущихся друг к другу бедняжек, она поспешила их успокоить:

– Не бойтесь, на самом деле он не такой страшный, каким кажется на первый взгляд.

Муж младшей сестры невольно встрепенулся, но Маргарет, заметив его оживление, тут же пресекла все его надежды в корне:

– Но он здесь, и он достаточно силен, поэтому лучше всего будет, если мы станем выполнять его указания.

Она повернулась к Лашему:

– Что скажете, ваша светлость?

У всех троих, кто жил здесь, одновременно раскрылись рты от удивления: оказывается, этот пират – самый настоящий герцог.

– Пусть леди идут вместе с вами, а джентльмен останется на месте и не будет мешать, а не то он пожалеет, что появился на свет.

– Благодарю вас, ваша светлость. Вы не проведете нас до моей кареты?

Женщины опомнились и принялись поспешно собирать самое необходимое. Впрочем, сборы были недолгими, и вскоре все они впятером – Лашем шел позади

всех – сошли вниз.

– Как вы оказались здесь? – тихо спросила Маргарет по пути к карете и, наступив в какую-то грязь, чуть было не поскользнулась. Тут было темно, чему Маргарет радовалась, так как не хотела думать о том, как сильно перепачкалось ее платье, пока она шагала вверх и вниз по лестнице.

Хуже было другое – Маргарет знала, что, приехав домой, она услышит от Энни все, что та думала об этой глупой затее. Хотя если Энни, предчувствуя небольшое ночное путешествие по лондонским трущобам, надела соответствующий наряд – такое платье, в котором можно было показаться и на вечере, и в этом грязном доме… Впрочем, Маргарет при всем желании не могла даже представить себе, как должно выглядеть такое платье!

К тому же герцог еще не ответил на ее вопрос. Он как будто пропустил его мимо ушей. Ей это не очень понравилось.

– Вы мне ничего не ответили. Каким образом вы оказались здесь?

Джорджия и дракон

Роман Повелительницы Тайн

– Тише, тише, а то сюда кто-нибудь придет! – воскликнула Джорджия, в глубине души прекрасно понимая, насколько бесполезно и глупо с ее стороны пытаться успокоить дракона.

– Кто-то уже пришел, – прошипел тяжело дышавший дракон, – и этот кто-то ты. Честно говоря, это ужасно, и мне от этого нисколько не легче. Впрочем, надеюсь, что та, которая должна прийти, уже где-то поблизости, и скоро я буду спасен.

Джорджия нахмурилась:

– Спасен? Что ты хочешь сказать? Ты же дракон, разве драконов спасают?

Дракон внимательно посмотрел на Джорджию, в его красно-желтых глазах промелькнула усмешка.

– Послушай, не знаю, что тебе в детстве рассказывали о драконах, но в тех преданиях, которые мне известны, дракона всегда спасает прекрасная принцесса.

Дракон окинул Джорджию взглядом и насмешливо фыркнул, причем из его пасти вырвался клуб дыма.

– Как я погляжу, ты мало похожа на принцессу.

Джорджия замерла, а когда смысл сказанного дошел до нее, она вся покраснела от обиды.

– Ты хочешь сказать, что я некрасива?

Дракон закатил глаза и слегка покачал головой:

– Похоже, сообразительности тебе тоже не хватает. Оставь меня, я подожду принцессу.

Джорджия уперлась руками в бока и сердито топнула ногой о землю. Может быть, это и произвело бы надлежащее впечатление, но толстый слой опавших листьев заглушил удар и все испортил.

– Ладно, оставайся и жди свою принцессу. Мне нет до тебя никакого дела.

Дракон удовлетворенно кивнул, однако Джорджия заметила, как он скривился от боли.

Но теперь ее это нисколько не трогало. Только что он нагрубил ей, так пускай остается и ждет свою прекрасную и умную принцессу. А она уходит, как он и просил.

Джорджия схватила ведро и быстро пошла, почти побежала обратно в лес.

Глава 6

Почему он оказался здесь? Об этом было легче спросить, чем ответить. Сказать правду: что он оставил Джейми у дверей его дома, затем вдруг увидел ее карету, там, где, как он точно знал, она не жила? Он дал указание кучеру следовать за ней – для чего, он сам не мог толком объяснить, может быть, для того, чтобы извиниться. Ему было неловко, как-то не по себе. Утром он был с ней крайне невежлив, едва ли не груб. Так он себя прежде никогда не вел. Слишком дерзко.

Впрочем, сейчас это качество оказалось более чем к месту. Он не побоялся поехать за Маргарет, последовать за ней на самый верх жалкого дома и даже, когда он услышал шум драки, войти в убогую комнату.

– Да… так, – буркнул он, сожалея про себя, что у него не столь богатое воображение, как у его спутницы, тогда бы он на ходу придумал какое-нибудь правдоподобное объяснение, исключающее столь явно выказываемый им интерес к ней. Или, напротив, выгодно подчеркивающий его.

«Так какого черта я здесь?!»

И почему голос, звучащий в его голове, так похож на голос Джейми?

Увы, спрашивать всегда намного легче, чем отвечать.

– Ваша светлость? – Теперь в голосе Маргарет, похоже, слышалось раздражение. – Может, вы пришли сюда, чтобы извиниться за утреннее происшествие? Или, напротив, потребовать извинений у меня? Или по какой-нибудь другой причине?

– Неважно. Я здесь, и этого вполне достаточно, – резко и отчетливо произнес он; обычно такой тон действовал на окружающих, как холодный душ.

– А по-моему мнению, вы просто пытаетесь ускользнуть от ответа, что выглядит и странно, и подозрительно.

На Маргарет его холодный тон, по-видимому, не действовал. А жаль.

К счастью, к этому времени они уже сошли вниз и вышли из дома на улицу, что избавляло его от ее дальнейших расспросов.

– Не обольщайтесь, – насмешливо сказала Маргарет, – я не отстану от вас до тех пор, пока не получу вразумительного ответа. Вы раззадорили во мне любопытство.

Лэшем не относился к числу тех, над кем можно было подшучивать – во всяком случае, он так всегда думал.

– Ваша светлость, – теперь Маргарет говорила намеренно громко, – прошу нас извинить, но нам пора…

Но тут, совершенно неожиданно для самого себя, Лашем перебил ее:

– Я отвезу этих леди куда им будет угодно. В какое-нибудь более спокойное место.

Маргарет начала было бормотать что-то вроде благодарностей, но ее кучер ее опередил:

– Благодарю вас, ваша светлость. В нашей карете нет места для пятерых. Будет лучше, если леди Маргарет и эти дамы поедут вместе с вами, а мы вместе с Энни поедем следом.

Лашем замер, не в силах сказать ни слова. В его особняке никто из слуг не осмелился бы разговаривать с ним в такой свободной, едва ли не повелительной манере. Даже если в руке Лашем держал пустую чашку из-под кофе и у него на лбу словно было написано «я хочу еще», его прислуга, как правило, робко спрашивала, не желает ли он кофе, хотя и так все было очевидно.

И вдруг такое почти фамильярное обращение со стороны слуги! Он перевел недоуменный взгляд на Маргарет. По ее лицу было видно, что эта сцена очень позабавила ее. Как вдруг Лашем к своему удивлению услышал:

– Нет.

– Нет, – глупо повторил он.

Они одновременно взглянули друг на друга. По ее губам скользнула улыбка. Ей по-прежнему было весело.

Может быть, она приняла его извинения, какими бы неуклюжими и смешными они ни были.

Маргарет обратилась к Джону:

– Все немного не так. Видишь ли, Энни, я и герцог – мы уже обо всем договорились. Он возвращается к себе домой. Я довезу леди в безопасное место, а потом мы поедем к нам домой.

Она снова взглянула на Лашема:

– Ваша светлость, нам больше не угрожает никакая опасность. Я благодарю вас за помощь. – Она кивком указала женщинам направление: – Быстрее забирайтесь вон в ту карету, а то на улице очень холодно.

Лашем едва ли не лязгнул зубами от досады. Если излишне свободную манеру общения кучера еще можно было стерпеть, то чтобы отказывались от его предложения, почти повеления?! С тех пор как он стал герцогом, никто не решался ему возражать. Даже тогда, когда он еще был наследником, ему редко кто осмеливался противоречить.

Лашем подошел к Маргарет и взял ее за плечо в тот момент, когда она уже было собралась сесть в экипаж.

– Вы подвергаете себя опасности, леди Маргарет. Эти две не слишком юные особы не совсем подходящее общество для такой леди, как вы.

– Для такой леди, как я? – скептично переспросила она. – О, ваша светлость, поверьте, будь у меня выбор, я бы не стала так беспокоиться из-за этого, но у меня нет иного выхода. Однако как вы справедливо заметили, нам всем пора ехать домой. Извините меня, я тороплюсь, – резко бросила она, усаживаясь в карету и захлопывая за собой дверцу.

По пути домой Лашем с трудом сдерживался, чтобы от злобы и бессилия не начать бить кулаками в стенку экипажа. Сегодня он уже один раз попытался выместить злость таким образом, но это было не самое удачное решение.

Приехав домой, он сразу прошел в кабинет и налил себе полный стакан виски.

– Неужели все совсем плохо? – вдруг раздался голос Джейми со стороны его слепого глаза. От неожиданности Лашем чуть было не расплескал виски себе на костюм.

Джейми как всегда был в своем репертуаре. Никто не решался без разрешения Лашема зайти к нему в дом, тем более так поздно. На самом деле Лашем даже не мог вспомнить, приглашал ли он к себе кого-нибудь в последнее время. А если бы и пригласил, то гости тут же испарились бы, едва увидев, в каком злобном состоянии духа находится хозяин.

– Какого черта ты здесь делаешь? – рассердился Лашем еще сильнее. – Разве я не высадил тебя у дверей твоего дома? Или твоя матушка выставила тебя, так как ей надоели твои ночные похождения?

– Еще не выставила, – зевнул Джейми и, приподнявшись, сел на диване. Потянувшись, он встал, подошел к Лашему, взял бутылку виски и плеснул в бокал почти столько же, сколько налил себе герцог. – У меня дома все спали, я немного походил, спать мне совсем не хотелось, и я решил вернуться к тебе.

– Ты ведешь себя как светский шалопай, – усмехнулся Лашем.

Джейми пропустил это мимо ушей.

– Твое здоровье. – Он поднял вверх бокал.

Лашем покачал головой. По опыту он знал, что не стоит выставлять Джейми, это глупо и бесполезно, а еще глупее было бы не позволить ему пить его виски. Лашем вздохнул и поднял в ответ свой бокал. Вдруг в дверь постучали.

И Джейми и Лашем замерли, одновременно взглянув на большие настенные часы. Был час ночи.

– Хм, неужели ты кого-нибудь пригласил? – почти одним глотком Джйеми осушил бокал.

– Никого я не приглашал. Не мели чушь, – огрызнулся Лашем, подходя к дверям и распахивая их настежь. – Кто там? – сердито произнес он и тут же осекся, когда увидел, кто пожаловал к нему в гости.

– Ваша светлость, – робко произнес дворецкий, – но эта леди так настойчиво требовала провести ее к вам, что я…

В кабинет вошла Маргарет, волоча за собой по полу снятый плащ.

– Я сказала ему, что вы не спите, так как недавно вернулись.

– Прошу меня извинить, Лашем, но у меня срочное дело, – быстро проговорил Джейми, хмыкнув что-то себе под нос. – Спокойной ночи, миледи.

Кивнув даме, он вышел из комнаты, плотно закрыв за собой двери.

– Трус, – тихо буркнул Лашем ему вслед.

Маргарет внимательно взглянула на него, словно он был не живой человек, а портрет, написанный кистью мастера и достойный восхищения.

«Смотрит на меня, словно любительница живописи на картину», – поморщился про себя Лашем. Или ему это лишь казалось?

Она и правда смотрела на него, но не так, как все остальные – подобострастно или с притворным восхищением.

– Чем могу служить, леди Маргарет? – Лашем прервал затянувшуюся паузу.

Она вскинула подбородок еще выше. По ее лицу было видно, что она вся как натянутая струна, что, как это ни удивительно, она не знает, с чего начать.

Однако даже сейчас, когда явно сердилась, она очень ему нравилась.

– Ваша светлость, – прорвало ее наконец, – я пришла сюда, чтобы выяснить, каким образом вы попали в тот дом и с какой целью. – Она перевела дух, чтобы с новой силой броситься вперед: – Если я не ошибаюсь, а я не ошибаюсь, сегодня утром в галерее вы ясно дали мне понять, что не хотите больше иметь со мной никаких дел. Что весьма странно, ведь именно вы предложили мне там встретиться. Вспомните нашу первую встречу, вы сразу велели, чтобы я поскорее вышла, оставив вас наедине с собой. Мне совершенно ясно одно: после всего, что случилось, вы меня нисколько не интересуете, ни в качестве знакомого или друга, ни уж тем более в роли мужа. Но как мне кажется, вы имеете кое-какие намерения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/frempton_megan/kak-pokorit-gercoga

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити